

Вестник Донецкого университета

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия 06
**Юридические
науки**

3/2025

**Редакционная коллегия журнала
«Вестник Донецкого университета. Серия 06. Юридические науки»**

Главный редактор – д-р юрид. наук, проф. **С.Н. Бабурин**.

Зам. главного редактора – д-р юрид. наук, проф. **Н.В. Барбашова**.

Ответственный секретарь – канд. юрид. наук, доц. **Е.А. Матвиенко**, ст. преп. **К.Е. Свиридова**.

Члены редколлегии: д-р юрид. наук, проф. **В.Б. Исаков**, д-р юрид. наук, проф. **В.В. Груздев**, д-р юрид. наук, проф. **А.И. Левченков**, д-р юрид. наук, доц. **Е.М. Сынова**, д-р юрид. наук, проф. **А.Д. Керимов**, д-р юрид. наук, проф. **А.А. Вишневский**, д-р юрид. наук, проф. **О.Г. Чутчева**, д-р юрид. наук, проф. **И.И. Шамшина**, д-р юрид. наук, проф. **Ю. Г. Торбин**, д-р юрид. наук, доц. **В. М. Пашин**, д-р юрид. наук, доц. **Е.В. Фоменко**, д-р юрид. наук, доц. **Е.В. Годованик**, д-р юрид. наук, проф. **Д.К. Лабин**, д-р юрид. наук, проф. **А.С. Скаридов**.

**The Editorial Board of the journal
«Vestnik of Donetsk University. Series 06. Legal Sciences»**

Editor-in-Chief – Dr. of Law, Prof. **S.N. Baburin**.

Deputy Editor-in-Chief – Dr. of Law, Prof. **N.V. Barbashova**.

Executive Secretary – Cand. of Law, Associate Professor **E.A. Matvienko**, Senior lecturer **K.E. Sviridova**.

Editorial board members: Dr. of Law, Prof. **V.B. Isakov**, Dr. of Law, Prof. **V.V. Gruzdev**, Dr. of Law, Prof. **A.I. Levchenkov**, Dr. of Law, Associate Professor **E.M. Synkova**, Dr. of Law, Prof. **A.D. Kerimov**, Dr. of Law, Prof. **A.A. Vishnevsky**, Dr. of Law, Prof. **O.G. Chutcheva**, Dr. of Law, Prof. **I.I. Shamshina**, Dr. of Law, Prof. **Yu. G. Torbin**, Dr. of Law, Associate Professor **V. M. Pashin**, Dr. of Law, Associate Professor **E.V. Fomenko**, Dr. of Law, Associate Professor **E.V. Godovanik**, Dr. of Law, Prof. **D.K. Labin**, Dr. of Law, Prof. **A.S. Skaridov**.

Адрес редакции: 283001, г. Донецк, ул. Университетская, д. 24,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

E-mail: redact.dongu.jur@mail.ru

URL: <https://dongu-vestnik06.ru>

Журнала «Вестник Донецкого университета. Серия 06. Юридические науки» осуществляет публикацию статей по всем отраслям юридической науки, представляющих теоретическую и практическую значимость. Журнал включает следующие основные разделы:

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

В рубрике публикуются статьи по группе научных специальностей 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

В рубрике публикуются статьи по группе научных специальностей 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

В рубрике публикуются статьи по группе научных специальностей 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

В рубрике публикуются статьи по группе научных специальностей 5.1.4. Уголовно-правовые науки

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

В рубрике публикуются статьи по группе научных специальностей 5.1.5. Международно-правовые науки

Журнал включен в национальную информационно-аналитическую систему РИНЦ (Лицензионный договор № 463-111/2019 от 14.11.2019 г.): https://www.elibrary.ru/title_about.asp?id=74221

Издается по решению Ученого совета ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»: Протокол №11 от 26.09.2025 г.

© ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Круть Ю.В.* Тенденция развития правового регулирования юридической ответственности несовершеннолетних в Российской Федерации..... 5
- Лещенко И.И.* Проблемы периодизации всемирной истории..... 11
- Липинский В.В.* Деятельность чрезвычайных партийно-государственных органов с особыми полномочиями в системе государственного управления в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)..... 16

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

- Поляков В.Ю., Полякова Н.Г.* К вопросу о полномочиях органов местного самоуправления в сфере реализации инвестиционной политики..... 21
- Усатенко К.П.* Цифровизация в органах государственной власти как инновационный процесс в государствах-членах Евразийского экономического союза..... 28

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

- Олейникова А.В., Алтухова А.А.* Соотношение доменного имени и традиционных средств индивидуализации товаров и услуг..... 37

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Черепенько Г.В.* Использование образцов почерка, выполненных латиницей, при исследовании кириллических объектов судебно-почерковедческой экспертизы (на примере русского и английского языков)..... 44

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Кулакова Е.В.* Понятие и цели дерогации в международном праве..... 50

ИНФОРМАЦИОННАЯ РУБРИКА

- Правила для авторов*..... 56

Vestnik of Donetsk University

Series 06. Legal sciences

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

№ 3/2025

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Krut Yu.I.</i> Tendency of development of legal regulation of legal liability of minors in the Russian Federation.....	5
<i>Leshchenko I.I.</i> Problems of periodization of World history	11
<i>Lipinsky V.V.</i> Activities of emergency party and state bodies with special authorities in the system of state administration during the Great Patriotic War (1941-1945).....	16

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

<i>Polyakov V.Yu., Polyakova N.G.</i> To the question of the powers of local government bodies in the sphere of investment policy implementation.....	21
<i>Usatenko K.P.</i> Digitalization in public authorities as an innovative process in the member states of the Eurasian Economic Union.....	28

PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

<i>Oleinikova A.V., Altukhova A.A.</i> The relationship between a domain name and traditional means of individualization of goods and services.....	37
---	----

CRIMINAL LAW SCIENCES

<i>Cherepenko G.V.</i> The use of Latin handwriting samples in the study of Cyrillic objects of forensic handwriting examination (using the example of Russian and English).....	44
--	----

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

<i>Kulakova E. V.</i> The concept and objectives of derogation in international law.....	50
--	----

INFORMATION SECTION

<i>Instructions for author</i>	56
--------------------------------------	----

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 347.91

DOI 10.5281/zenodo.17781811

ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2025. Ю.И. Круть

В данной статье представлены законодательные характеристики правового регулирования ответственности несовершеннолетних и влияние возраста несовершеннолетних на осуществление ими своих полномочий. На основе теоретических исследований и материалов судебной практики раскрываются проблемы, возникающие при осуществлении этих полномочий. В данной статье исследуются теоретические и практические особенности правового регулирования юридической ответственности несовершеннолетних в гражданском праве Российской Федерации.

Ключевые слова: ответственность, несовершеннолетние, суд, защита прав, возмещение вреда.

Введение. Теоретико-правовые основы юридической ответственности несовершеннолетних представляют собой важное направление исследований, поскольку затрагивают одну из наиболее хрупких и социально значимых областей юриспруденции. В динамично меняющемся обществе, где нормы и ценности претерпевают изменения, необходимо учитывать аспекты, связанные с определением и применением возрастных мер ответственности.

Одним из наиболее актуальных вопросов в науке и практике гражданского права является вопрос исполнения обязательств участников гражданских правоотношений Российской Федерации, в том числе несовершеннолетних, и необходимы дальнейшие исследования данной категории.

Целью данной статьи является исследование правового регулирования юридической ответственности несовершеннолетних в гражданском праве.

Правовое регулирование юридической ответственности несовершеннолетних исследовали такие ученые, как А.В. Бриллиантов, Г.А. Есаков, А.Л. Санташов, Т.Г.

Основная часть. Юридическая ответственность несовершеннолетних основывается на принципах, учитывающих их психологические и социальные особенности. Важно отметить, что при применении мер ответственности необходимо учитывать социальную зрелость молодого человека и уровень его осведомленности о совершенном преступлении. Многие юристы знают, что несовершеннолетние не всегда способны в полной мере оценить последствия своих действий, поэтому режим мер воздействия должен быть направлен в первую очередь на воспитание и реабилитацию, а не на наказание.

Система правового регулирования в этой сфере постоянно меняется, отражая как изменения общественного сознания, так и требования международных стандартов. В данной статье будут рассмотрены основные тенденции развития правового регулирования юридической ответственности несовершеннолетних в России,

проанализированы действующее законодательство, его особенности и проблемы, а также предложены направления его дальнейшего совершенствования. Исторически правовое регулирование прав несовершеннолетних в России прошло несколько этапов. С начала 20 века и до наших дней подход к юридической ответственности несовершеннолетних менялся. В советский период упор делался на перевоспитание, а не на наказание. С распадом Советского Союза началось переосмысление вопроса, что отразилось в новых законодательных инициативах [2, с. 14]. Современное законодательство стремится сбалансировать контроль и защиту прав несовершеннолетних, обеспечивая при этом правовую определенность. Это создает основу для эффективной правоприменительной практики, которая будет способствовать их социализации и интеграции в общество.

По мнению А. В. Бриллиантова, при формулировании Уголовного кодекса РФ в 1996 году были учтены современные психосоциальные особенности несовершеннолетних: ускоренное развитие не только в физическом аспекте, но и в сферах интеллекта и воли; участие в различных видах деятельности, как позитивной, так и негативной в обществе, в частности рост вовлеченности в бандитскую преступную деятельность и связанный с этим рост числа бездомных и безнадзорных детей, которые становятся вербовщиками преступников; молекулы и т. д. [4, с. 121].

В Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 года впервые в истории развития уголовного законодательства была предусмотрена глава, предусматривающая уголовную ответственность несовершеннолетних.

Положения уголовного законодательства не только предусматривают применение обязательных мер воспитания к несовершеннолетним, но и сокращают виды применяемых наказаний по сравнению со взрослыми (не только уменьшая виды наказаний, но и уменьшая продолжительность наказаний), а также сроки их действия. срока давности, условно-досрочного освобождения и других льготных условий[2] Тем временем научные исследования продолжают разрабатывать комплекс мер по предотвращению молодежной преступности. В области криминологии возникла отдельная область исследования – так называемое ювенальное право, занимавшееся проблемой преступности среди детей и подростков. На преступное поведение несовершеннолетних на протяжении многих лет влияют внешние факторы, такие как социальная среда подростков и дефекты родительского воспитания. В связи с этим влияние государства на подростковую преступность должно отражаться не только в наказании. Также необходимо скорректировать социальную среду подростка и по возможности попытаться устранить последствия недостаточной социализации подростка.

Конституция Российской Федерации предусматривает, что возраст полной самостоятельности граждан Российской Федерации для осуществления своих прав и обязанностей составляет 18 лет. Это положение содержится в статье 60 Основного национального закона. С этого момента он считается полностью нарушившим [5,]. Существуют возрастные ограничения уголовной ответственности. Согласно ст. Статья 87 УК РФ предусматривает, что несовершеннолетним считается лицо, которому на момент совершения преступления исполнилось 14 лет, но не исполнилось 18 лет. В отношении несовершеннолетних действующим законодательством предусмотрено общее правило, согласно которому на лиц в возрасте от 16 до 18 лет, совершивших административные правонарушения, может распространяться Типовое положение о Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, утвержденное от 6 ноября 2013 г. № 995. «Прежде чем несовершеннолетний будет освобожден от ответственности, должно быть проведено тщательное исследование обстоятельств

совершения преступления, личных данных и наличия обстоятельств, снижающих административную ответственность». обстоятельства: они проявляют деятельное раскаяние, связанное с примирением с потерпевшим, поскольку срок исковой давности истек; В связи с социальной опасностью преступного поведения несовершеннолетних возраст наступления уголовной ответственности за некоторые преступления снижен до 14 лет. Согласно Гражданскому кодексу РФ (далее – ГК РФ), несовершеннолетние могут нести юридическую ответственность с 14 лет. Это связано с тем, что необходимо учитывать уровень их психологического и морального развития [3].

Гражданская ответственность несовершеннолетних связана с объемом их дееспособности, то есть включает в себя не только гражданские права, но и гражданские обязанности, предусматривающие гражданскую ответственность. Оно связано с понятием халатной дееспособности, которая представляет собой способность самостоятельно принимать на себя ответственность за имущество.

Источником гражданско-правовой ответственности являются последствия законов, иных правовых актов, а также действий граждан и юридических лиц. Хотя в законах и правовых актах это не предусмотрено, гражданская ответственность возникает исходя из общих принципов и смысла гражданского законодательства. Наиболее частым основанием гражданской ответственности является вред, причиненный другому лицу [8, с. 14].

Общими условиями наступления гражданско-правовой ответственности являются элементы гражданского преступления, в том числе:

- противоправное поведение субъекта;
- потерпевшему причинен вред (убыток); – причинно-следственная связь между противоправным поведением и причиненным вредом;
- преступление лица, причинившего вред. За телесные повреждения, причиненные несовершеннолетними (несовершеннолетними) в возрасте до 14 лет, ответственность несут их родители (усыновители) или опекуны, если они не докажут, что причинение телесного повреждения произошло не по их вине [7, с. 19].

Под опекунами следует также понимать образовательные, медицинские учреждения, учреждения социального обеспечения или иные аналогичные учреждения (ст. 35 ГК РФ), в которых размещаются несовершеннолетние в соответствии с законом. При нахождении несовершеннолетнего под присмотром образовательного, воспитательного, медицинского или иного учреждения в соответствии с договором это учебное, учебное, медицинское или иное учреждение также несет ответственность за вред, причиненный несовершеннолетнему, если не будет доказано, что вред был причинен несовершеннолетнему. не было вызвано виной его надзора [8, с. 23].

Обязанность родителей (усыновителей) и опекунов по возмещению вреда, причиненного несовершеннолетним, не прекращается с момента достижения несовершеннолетним совершеннолетия или приобретения имущества, достаточного для возмещения вреда.

В случае смерти субъекта гражданской ответственности или отсутствия достаточных финансовых средств для возмещения потерпевшему вреда жизни или здоровью, а сам виновный обладает полной дееспособностью и финансовыми возможностями, суд может принять во внимание имущественное положение потерпевшего и виновный и другие обстоятельства, а также иметь право принять решение о возмещении всего или всего ущерба потерпевшему. Частичный ущерб несет сам правонарушитель [3].

Согласно ст. Статья 1074 ГК РФ предусматривает, что несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет, как правило, несут самостоятельную ответственность за

причиненный вред, за исключением случаев отсутствия доходов или иного имущества, достаточного для возмещения вреда, и в следующих случаях: образовательные, медицинские учреждения, несовершеннолетние, находящиеся под опекой учреждений социально-демографической защиты или других подобных учреждений.

При наличии такого исключения родители (усыновители), опекуны и перечисленные учреждения будут участвовать в полном или частичном возмещении убытка, если не докажут, что убыток причинен не по их вине, а ущерб будет возмещен до момента причина травмы достигает совершеннолетия или появляется достаточный доход (имущество) для возмещения травмы [10, с. 42]. Суд может привлечь родителя, лишенного родительских прав, к ответственности за компенсацию, если его несовершеннолетний ребенок лишен родительских прав в течение трех лет с момента лишения родительских прав, если поведением ребенка причинен вред вследствие ненадлежащего выполнения родительские обязанности (ст. 1075 ГК РФ) [2].

Уголовная ответственность является видом юридической ответственности, и ее основным содержанием являются меры, принимаемые государственными органами по совершению преступлений против личности. Уголовная ответственность является наиболее строгой формой юридической ответственности и налагается за наиболее тяжкие преступления - преступные деяния. Социальные и психофизические особенности личности подростка определяют необходимость специальных норм в праве, регулирующих ответственность несовершеннолетних. В общих положениях УК РФ есть целый раздел, посвященный уголовной ответственности несовершеннолетних (раздел 5). Автономия уголовной ответственности несовершеннолетних связана с психологическими особенностями правонарушителя, поэтому применяемое к ним наказание должно быть конкретным.

Специальная глава (глава 14) об уголовной ответственности и наказании несовершеннолетних специально создана в связи с вниманием общества к этому вопросу и спецификой уголовно-правовых мер, применимых к несовершеннолетним, с целью точного установления уголовной ответственности несовершеннолетних, а также правовой регламентации отступлений от общих правил уголовной ответственности. Данные меры полностью соответствуют и конституционным принципам уголовной ответственности: презумпции невиновности, недопустимости двойного наказания, максимума общесоциального и юридического контроля правосудия в отношении несовершеннолетних и др. [11, с. 121].

В настоящее время наблюдается тенденция к смягчению строгости наказаний и усилению профилактики преступности. Несмотря на наличие нормативной базы, в практике применения законодательства остаются существенные проблемы. К ним относятся:

- недостаток квалифицированных специалистов;
- несовершеннолетние не до конца осознают правовые последствия своих действий;
- отсутствие системной работы по профилактике подростковой преступности.

Важной тенденцией в регулировании юридической ответственности несовершеннолетних является акцент на профилактику и реабилитацию. Правительства и общественные организации активно работают над разработкой программ, направленных на снижение подростковой преступности. Профилактические меры включают в себя: а) образовательные программы; б) социальные проекты; в) участие родителей и учителей.

Изучение международного опыта в области регулирования ответственности несовершеннолетних может быть полезным для России. Многие страны внедрили

программы, основанные на принципах реабилитации, а не наказания. Например, в некоторых странах Европы используется система молодежных судов, которые фокусируются на восстановлении отношений между правонарушителем и обществом.

Важным аспектом теоретико-правовых основ юридической ответственности несовершеннолетних является учет индивидуальных особенностей каждого подростка. Ключевым моментом является необходимость применения дифференцированных подходов, которые учитывают уровень развития, личные обстоятельства и социальное окружение. Таким образом, система ювенальной юстиции должна работать с акцентом на профилактику правонарушений, что позволяет снизить риск рецидива и обеспечить успешную реинтеграцию в общество.

Также необходимо учитывать международный опыт в области ювенальной юстиции, который показывает, что успешные модели ответственности несовершеннолетних строятся на принципах гуманности и реабилитации. Например, система медиации и *restorative justice* (восстанавливающее правосудие) активно применяется в западных странах, что демонстрирует эффективность альтернативных мер по сравнению с традиционным уголовным преследованием.

Современные исследования в области психологии и социологии подтверждают, что поддержка и сопровождение несовершеннолетних правонарушителей, а также их семей, являются важными элементами успешной реабилитации. Поэтому соотношение воспитательных и правовых мер должно стать основным принципом для формирования системы ответственности несовершеннолетних в России, что позволит создать более справедливую и эффективную правовую среду.

Выводы. Для улучшения системы правового регулирования ответственности несовершеннолетних в России можно выделить несколько направлений:

- улучшение правового просвещения – создание программ, направленных на обучение несовершеннолетних их правам и обязанностям.

- разработка новых методов профилактики – использование современных технологий и методов работы с молодежью.

- интеграция международного опыта – адаптация успешных моделей других стран к российским условиям.

Подводя итог, следует сказать, что тенденции развития правового регулирования юридической ответственности несовершеннолетних в Российской Федерации показывают необходимость перехода к более гуманным и профилактическим подходам. Для этого требуется не только изменение законодательства, но и активное участие всех заинтересованных сторон: государства, общества, педагогов и родителей. Системная работа в данной области позволит обеспечить защиту прав несовершеннолетних и снизить уровень правонарушений среди молодежи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (последняя редакция) // Российская газета. – 1993.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2023) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, N 25, ст. 2954
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // "Собрание законодательства РФ", 25.12.2006, N 52 (1 ч.), ст. 5496.
4. Санташов, А.Л. Вопросы уголовной политики в сфере индивидуализации ответственности несовершеннолетних осужденных (генезис законодательства, современное состояние) / А.Л. Санташов // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2019. – № 3. – С.14-24
5. Бриллиантов А. В., Четвертакова Е. Ю. Уголовное право Российской Федерации в схемах. Учебное пособие. М.: Юрайт, 2024. – 528 с.

6. Федеральный закон от 24.06.1999 N 120-ФЗ (ред. от 07.06.2017) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // СЗ РФ. – 1999. № 26 - ст. 3177.
7. Постановление Правительства РФ от 06.11.2013 № 995 «Об утверждении Примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав» // СЗ РФ. 11.11.2013 № 45. - ст. 5829.
8. Есаков, Г. А. Российское уголовное право. Особенная часть. М.: Юрайт. 2021. – 608 с.
9. Жукова, Т. Г., Сапронов, Ю. В., Толкаченко, А. А. Преступления против государственной власти. М.: Юрайт. 2024. – 137 с.
10. Медведев, Е. В. Уголовное право России. Общая часть. М.: Юрайт. 2024. – 222 с.
11. Меркурьев, В. В. Уголовное право: необходимая оборона. М.: Юрайт. 2023. – 239 с.

Поступила в редакцию 26.06.2025 г., рекомендована к печати 15.07.2025 г.

TENDENCY OF DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION OF LEGAL LIABILITY OF MINORS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Krut Yu.I.

The article examines the theoretical and practical features of legal regulation of legal liability of minors in the Russian Federation in civil law.

The features of the requirement to protect the violated right are considered. Statute of limitations. The features of legislative regulation of legal regulation of civil liability of minors are presented, as well as the influence of the age of minors on the implementation of these powers. Using materials of judicial practice, it is shown what problems arise in connection with the implementation of these powers.

Keywords: responsibility, minors, court, protection of rights, compensation for harm.

Круть Юрий Игоревич

аспирант юридического факультета
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет»,
Российская Федерация, ДНР, г. Донецк.
E-mail: iura.krut@mail.ru

Krut Yuri Igorevich

Postgraduate student of the Faculty of Law of
Donetsk State University,
Russian Federation, DPR, Donetsk.
E-mail: iura.krut@mail.ru

УДК 340.12

DOI 10.5281/zenodo.17781951

ПРОБЛЕМЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

© 2025. *И.И. Лещенко*

В статье рассматриваются проблемы периодизации всемирной истории в контексте классических подходов исследований Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера и современных наработок с целью их актуализации для экзистенциального осмысления цивилизационного существования.

Ключевые слова: европоцентризм, периодизация, универсальная типология, цикличная концепция, всемирно-исторический процесс.

Введение. В сложившейся парадоксальной современной ситуации общепринятая периодизация всемирной истории не соответствует интересам всех стран и народов и не позволяет составить полную историю человечества, но продолжает доминировать. Нужна ли таковая или это *argot* напрасный труд и неосуществимая задача? Российский историк-этнограф Л.Н. Гумилёв в работе «Ритмы Евразии» отмечал, что только дилетантам кажется, что история – это «жизнь без начала и конца...». Для неё «нужен особый параметр – координата времени» [1]. Ведь время, его течение и составляет историю, без структурирования которой невозможен ни анализ, ни синтез любых процессов и явлений.

Основная часть. Особо обращаясь к проблемам всемирно-исторического процесса и его структурирования, важно актуализировать также и те вопросы, возможно из категории «вечных», которые будут способствовать пониманию, новому осмыслению и возможному их разрешению. В поисках ответа на вызовы своего времени немецкий философ О. Шпенглер сформулировал их так: что такое всемирная история? Существует ли всеобщая логика истории? Существует ли метафизическое строение истории человечества? [2, с. 36]. Можно ещё добавить, а нужно ли вообще искать здесь логику.

Важность и *актуальность* проблем периодизации истории объясняется обеспечением связи различных периодов времени. Без прошлого невозможно понять ни настоящего, ни будущего развития человечества. Это взаимосвязанный и взаимообусловленный процесс. Исходя из его трёхмерного измерения, структура также должна ему соответствовать. Из несоответствия происходят все проблемы, без решения которых невозможно спрогнозировать историческую перспективу.

Цель статьи обозначить и обосновать проблемы периодизации всемирной истории, а также поставленные вопросы рассматривать в ракурсе классических подходов к данным проблемам и актуализировать их в контексте современных геополитических трансформаций.

Ещё в XIV-XV вв. европейские мыслители Л. Бруни, Ф. Бьондо и Н. Макиавелли предложили периодизацию, разделив историю на три периода: античность, средние века и новое время. Античный период представлен греко-римской историей (с VIII в. до н.э. по V в. н.э.). Средние века датированы V-XV вв., а Новое время – с XVI в. Практически сразу же возникли споры по *проблеме определения границ её фаз*. Например, Ф. Бьондо чётко определял хронологические границы средневековья: 412 г. (захват Аларихом Рима) и 1412 г. Однако, в науке принято считать гранью между

античностью и средними веками 476 г. – падение Западной Римской империи, что также вызывало ещё больше споров. Оспаривалось и время завершения средневековья – XV в. или сер. XVII в. Эта же проблема касается и новейшего периода истории, который советские учёные датировали 1917 г., но западные историки за точку отсчёта указывали 1918 г. Проблема хронологических рамок в новейшей истории связана с неопределённостью понятия современность. Что такое современность и каковы её временные пределы: столетие, десятилетия, десятилетие или несколько лет? Де-факто хронология новейшей истории составляет уже более 100 лет! В данном случае речь идёт о противоречии хронологического характера. Фактически временные рамки каждого из 4-х периодов точно не обозначены, а лишь условны. В разных учебниках по истории представлены отличительные хронологии [4; 5]. В современных исследованиях эта проблема сохраняется и актуализируется. Например, российский учёный Пронин А.С. в диссертационном исследовании отмечал, что данная периодизация истории «оказывалась ограниченной из-за произвольности в определении границ составляющих её фаз» [3].

Доминировавшая в советское время периодизация всемирной истории, и основанная на марксистско-ленинском учении о смене общественно-экономических формаций, каждой из которых соответствует определённый тип государства и права, была представлена рабовладельческим, феодальным, буржуазным и социалистическим периодами с характерным дублированием названия каждого периода. Так, учёные Н.А. Крашенинникова и О.А. Жидков в учебнике по Истории государства и права зарубежных стран в первой части, изданной в конце 80-х гг., использовали дублированную градацию на древний мир (рабовладельческое государство и право) и средние века (феодальное государство и право). А история нового и новейшего времени уже не дублировались, так как вторая часть учебника вышла в 1991 г., когда актуальной была европейская периодизация без марксистско-ленинского контекста [4, с. 12]. Фактически и эта периодизация европоцентрична со всеми сопутствующими ей проблемами. По К. Марксу, общественно-экономическая формация является совокупностью производственных отношений, выступающих базисными относительно других сфер, в том числе и государственно-правовых. Профессор В.Г. Графский определил марксистское учение о смене и функционировании формаций как «учение о единой общечеловеческой цивилизации с присущими ей вполне определёнными закономерностями возникновения и изменения» [5, с. 29]. Это была претензия на универсальную периодизацию.

Ещё одной *проблемой является нарушение пропорций исторического процесса*. Как резюмировал Данилевский Н.Я. в своей книге «Россия и Европа», «судьбы Европы, или романо-германских племён, были отождествлены с судьбами человечества. Немудрено, что из этого нарушения правил естественной системы вышло совершенное искажение пропорций исторического здания, что линии его потеряли всякую соразмерность и гармонию» [6, с. 82]. Характерно, что в данном выводе определяется *основная проблема* анализируемой периодизации – её *европоцентризм*, который связывает и объясняет предыдущую проблему. Диспропорцию периодизации лучше всего изобразить наглядно, используя условно принятые хронологические рамки. Если античность условно датировать 3 тыс. до н.э. – V в. н.э., средние века – V в. н.э. - сер. XVII в., новое время – сер. XVII в.-1917 г., а новейшее время – с 1917 г., то проявляется тенденция значительного хронологического уменьшения от первого до последнего периода. Так, длительность первого периода составляет примерно 35 веков, второго – 12 веков, третьего – 3 века и четвёртого – 1 век. Диспропорция очевидна. Последствия можно предположить. Каждый последующий период по отношению к предыдущему

хронологически уменьшается кратно: примерно в 3; 4; 3 раза. От античности до современности – 51 век. Безусловно, это оказывает влияние на методологию соизмеримости изложения исторического материала всех периодов. О. Шпенглер назвал это очень «своеобразно придуманной планетной системой», когда значение и перспектива событий истории определяются и высвечиваются из «одного уголка». Это, по О. Шпенглеру, «оптический обман, благодаря которому исторический материал целых тысячелетий... (например, Египет или Китай) принимают миниатюрные размеры, а десятилетия, близкие к зрителю, начиная с Лютера и Наполеона, приобретают причудливо-громадные размеры». И далее он задавался вопросом, почему XVIII столетие в морфологическом отношении важнее, чем одно из 60 ему предшествовавших столетий [2, с. 54-55]? Это лишь один из вариантов диспропорции периодизации истории, проявляющийся лишь при линейном структурировании.

Далее необходимо вернуться к важнейшей *проблеме европоцентризма* всемирной периодизации истории, которой достаточно внимания уделили Н.Я. Данилевский и О. Шпенглер, критически и аргументировано раскрывая его причины. Одной из таких причин Н.Я. Данилевский назвал перспективный обман, который «составляет только ближайшую причину или повод, заставивший прийти к неверной группировке, а, следовательно, и к неверному пониманию исторических явлений» [6, с. 82]. Как он утверждал, Рим, Греция, Индия, Египет и «все исторические племена имели свою древнюю, свою среднюю и свою новую историю, то есть, как всё органическое имели свои фазисы развития». Это касается и своей собственной истории Европы, «не основанной на перспективном обмане» [6, с. 82]. Оценивая общепринятую систему в науке всемирной истории и соотнося её с требованиями (критериями) к системе истории, Н.Я. Данилевский дал отрицательный ответ. Он выделил три требования (критерия) к системе истории:

1. Принцип деления должен обнимать собою всю сферу делимого.
2. Большая степень сходства предметов и явлений в одной группе по сравнению с другой группой.
3. Однородность в группах по степени сродства, соединяющая их членов [6, с. 78-79].

Одним из аргументов для обоснования своего отрицательного ответа он выбрал падение Западной Римской империи 476 г. как принцип деления, который «обнимал бы собою всю сферу делимого». Это событие стало гранью античности и средневековья. Возникает вопрос, почему именно оно соединило в один период и в одну группу, пришедших в упадок Древний Египет и Грецию, и продолжавших своё развитие Индию и Китай? И есть ли вообще такое событие, которое «могло бы разделить судьбу всего человечества на какие бы то ни было отделы»? Ответ дан отрицательный [6, с. 80]. И далее он отмечал, что «совершенно независимо от того, какие бы события мы ни приняли за исторические грани», деление истории на древнюю, с одной стороны, и средневековую и новую – с другой, не удовлетворяет одному из требований естественной системы. В древнюю историю «вкомканы греки с египтянами и китайцами потому только, что жили до падения Западной Римской империи» [6, с. 81]. Итак, данная периодизация не соответствует первому требованию. Это же касается и второго требования. Н.Я. Данилевский задавался лишь вопросом, действительно ли история Греции и Рима имеет больше аналогий и связей с историей Египта или Индии и Китая, чем с историей новейшей Европы? Но более категоричности он проявлял по отношению к третьему требованию, которому совершенно не соответствует система всемирной истории, аргументируя это тем, что в группе древней истории соединены Египет, Индия, Китай, Вавилон и Ассирия, Иран, Греция и Рим, проходившие через различные

степени развития. В его констатации, «ступени развития одного и того же племени романо-германского отнесены в различные группы – в так называемые среднюю и новую истории, которые очевидно представляют одну и ту же группу явлений» [6, с. 81].

Тенденцию критики европоцентричной периодизации продолжил О. Шпенглер, сформулировав свою морфологию всемирной истории с точки зрения цикличного, а не традиционного и общепринятого линейного подхода. В 1918 г. в работе «Закат Европы» он писал, что «у истории нет всеобщей логики, она исчерпывается лишь рождением и умиранием культурных организмов» [2, с. 13]. Так он опровергал и критиковал европоцентричную периодизацию всемирной истории на: древнее время – средневековье – новое время, как не значимую для неевропейских обществ. Он отмечал, что «никогда не было даже подвергнуто сомнению значение этой схемы, с её наивной прямолинейностью, с её бессмысленными пропорциями, от столетия к столетию всё более и более теряющий всякий смысл и совершенно не допускающей включения новых открывающихся нашему историческому сознанию областей. Её до сих пор считают непоколебимой» [2, с. 52]. Почему? В цитированном тексте содержатся неточности, поскольку эта схема не только подвергалась сомнению, но и критике со стороны Н.Я. Данилевского, К. Леонтьева и др.

Единство идеи всемирно-исторического процесса О. Шпенглер видел в цикличности истории возникновения и падения культур, к которым он относил китайскую, вавилонскую, египетскую, индийскую, античную, византийско-арабскую, западную, культуру майя, а также пробуждающуюся русско-сибирскую – всего 9 культур. Цикличную концепцию критиковал современный православный публицист, протоиерей А.Ткачёв, обращая внимание на знаковые и смысловые события в истории человечества, к которым он относил: творение мира, грехопадение, изгнание из Рая, Ноев потоп, Моисеев закон, Рождество Христово, Крест Голгофский, Воскресение Христово и Страшный Суд. По А. Ткачёву, «история – это не хаос, а осмысленный процесс, у которого есть начало и конец».

Актуализируя цикличную концепцию О. Шпенглера, современные исследователи Горелов А.А. и Горелова Г.А. обратили внимание на угрозы, в том числе и глобального характера, которые несёт Западный мир попытками «одной культуры навязать свои ценности другим», что неизбежно приводит к «губительным изменениям», которые он назвал «псевдоморфозом» [7, с. 30]. Своими якобы «общечеловеческими» ценностями, а в реальности это лишь его ценности, Запад пытается расшатать и уничтожить ценности других цивилизаций, которые обеспечивают их существование [7, с. 40]. Высказанная ими мысль о том, что «свою гибель Запад пытается отдалить путём завладения ресурсами всей планеты и эксплуатации всех народов», точна и сегодня в контексте событий на Украине и роли в них Западных стран [7, с. 39].

Выводы. Таким образом, ограниченный и фрагментарный анализ позволяет резюмировать, что, *во-первых*, все обозначенные проблемы всемирной периодизации сохраняют преемственность в их неразрешённости. Предложенные структурные модели не устранили проблем. Однако из них можно выбрать рациональные зёрна, адаптировать и использовать их для новой более совершенной периодизации. *Во-вторых*, попытка актуализировать данные проблемы направлена на указание их взаимосвязи с современными цивилизационными вызовами в контексте геополитических трансформаций. Несоответствие всемирной периодизации интересам всех стран и народов несёт угрозы для экзистенциального осмысления, безопасного существования и выбора пути их развития. Россия не исключение. *В-третьих*,

диспропорция всемирной периодизации способствует манипулированию историческими фактами для искажения и неверного понимания исторического прошлого, настоящего и перспективного прогнозирования. Логика такова, что неразрешёнными эти проблемы оставлять нельзя, они всё равно будут проявляться своим негативом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гумилёв, Л.Н. Ритмы Евразии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://booksafe.net/read/gumilevlev-ritmy-evrazii-epohi-i-civilizacii-87167.html#40> (дата обращения: 26.04.2025). – Загл. с экрана.
2. Шпенглер, О. Закат Европы / Вступит. ст. и комм. д.ф.н., проф. Г.В. Драча при участии Т.В. Веселой и В.Е. Котляровой. – Ростов н/Дону: изд-во «Феникс», 1998. – 640 с.
3. Философско-методологические парадигмы периодизации истории : дис. ... кандидата философских наук : 09.00.11 / Пронин Алексей Сергеевич; [Место защиты: Моск. гос. обл. ун-т]. — Москва, 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://new-dissert.ru/_avtoreferats/01006739490.pdf (дата обращения: 01.04.2025). – Загл. с экрана.
4. История государства и права зарубежных стран. Ч.1. / Под ред. Н.А. Крашенинниковой, О.А. Жидкова. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 352 с.
5. Графский, В.Г. Всеобщая история права и государства: Учебник для вузов / В.Г. Графский. – М.: Издательство НОРМА, 2000. – 744 с.
6. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. Текст печатается по изданию: Данилевский Н.Я. СПб, 1871. – М.: КНИГА, 1991. – 574 с.
7. Горелов, А.А., Горелова Г.А. «Закат Европы» О. Шпенглера и возможность заката мира / А.А. Горелов, Г.А. Горелова // Философия и современность. Знание, Понимание. Умение. – Московский гуманитарный университет. – 2016. - № 1. – С 29-42. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.209-439-1-РВ.pdf> (дата обращения: 07.05.2025). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 19.06.2025 г., рекомендована к печати 14.07.2025 г.

PROBLEMS OF PERIODIZATION OF WORLD HISTORY

Leshchenko I.I.

The article examines the problems of periodization of world history in the context of classical research approaches by N.Y. Danilevsky, O. Spengler and modern developments in order to actualize them for an existential understanding of civilizational existence.

Keywords: Eurocentrism, periodization, universal typology, cyclical concept, world historical process.

Лещенко Ирина Ивановна

кандидат исторических наук, доцент, доцент
кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет»,
Российская Федерация, ДНР, г. Донецк.
E-mail: ira_leshenko@mail.ru

Leshchenko Irina Ivanovna

Candidate of Historical Sciences, Associate
Professor, Associate Professor at the Department of
Theory and History of State and Law of Donetsk
State University,
Russian Federation, DPR, Donetsk.
E-mail: ira_leshenko@mail.ru

УДК 355

DOI 10.5281/zenodo.17782026

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ С ОСОБЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)

© 2025. В.В. Липинский

В статье показана деятельность чрезвычайных партийно-государственных органов с особыми полномочиями государственного и военного управления в период Великой Отечественной войны. Рассмотрены исторические, политические и концептуальные условия и предпосылки этого явления. Показан процесс использования историко-правового опыта в деятельности чрезвычайных органов в современных условиях на территории ДНР с началом проведения специальной военной операции и введении в ДНР военного положения. Проведен анализ целесообразности создания и эффективности деятельности чрезвычайных органов. Представлены пути достижения чрезвычайных целей управления чрезвычайными средствами.

Ключевые слова: Вторая мировая война, государственное и военное управление, чрезвычайные органы, особые полномочия, специальная военная операция, военное положение.

Введение. Военные действия на Донбассе, которые длятся в течение более десяти лет, включение республик Донбасса в состав Российской Федерации и начало проведения специальной военной операции по защите ДНР и ЛНР, вызвали необходимость адаптации правовой системы независимых республик в условиях военного времени и чрезвычайных обстоятельствах.

Вхождение в состав РФ новых регионов и объявление в них военного положения объективно потребовало от органов власти и управления незамедлительного обращения к историко-правовому опыту, накопленному Советским государством в годы Великой Отечественной войны.

Статья посвящена рассмотрению методов деятельности чрезвычайных партийно-государственных органов с особыми полномочиями в период Великой отечественной войны.

Основная часть. Нападение фашистской Германии на СССР прервало мирный, созидательный труд советских людей по выполнению планов третьей пятилетки. На защиту Родины встали тысячи горняков, многие из которых пополнили шахтерские дивизии. В связи с мобилизацией в армию значительного количества рабочих, служащих и инженерно-технических работников, их места на производстве занимали рабочие-пенсионеры, женщины-домохозяйки, учащиеся старших классов, студенты техникумов и вузов. Значительное количество работающих нужно было переподготовить и организовать обучение вновь пришедших на производство людей.

С началом войны изменились и основные направления деятельности государства, главным из которых стала организация ведения войны. Это направление в деятельности государства позволило в кратчайшие сроки превратить всю страну в единый боевой лагерь. Осознавая ту огромную опасность, которая нависла над советским государством и советским народом, был составлен мобилизационный план, направленный на борьбу с врагом. Правовое закрепление этот план получил в директиве от 29 июня 1941 г. [1, с. 38]. План предусматривал подчинить все

финансовые, материальные и трудовые ресурсы интересам войны, создать внутри государства прочный тыл. Огромное значение в директиве уделялось патриотическому воспитанию и воспитательной работе, укреплению Красной армии, формированию партийно-комсомольского подполья и партизанского движения на оккупированных территориях.

Поэтому вопросы перебазирования производительных сил и оборудования предприятий, эвакуации граждан и репатриации специалистов приобретали первостепенное значение.

Изменения в государственном аппарате определялись главным образом военными и чрезвычайными обстоятельствами. Поэтому создавались чрезвычайные органы или обычным органам придавались чрезвычайные полномочия. В начальный период войны была сформирована, централизованная вертикаль военного и государственного управления, которая располагала особыми полномочиями и эффективно осуществляла руководство фронтом и тылом.

3 апреля 2022 г. в ДНР был образован ГКО (Государственный комитет обороны), который призван оперативно осуществлять руководство всеми вопросами хозяйственно-экономической и социальной жизни в условиях военного времени. В городах и районах на освобожденных территориях начали создаваться подконтрольные ГКО военно-гражданские администрации и органы территориальной обороны. 5 апреля 2022 на первом заседании ГКО в Донецке глава ДНР Д.В. Пушилин поставил задачу готовить нормативные правовые акты в чрезвычайных условиях. В частности, он отметил, что законодательство по противодействию экстремистской деятельности в нынешних условиях не решает всех вопросов, нужен более широкий инструментарий по искоренению и недопущению неонацистских и националистических проявлений.

Следует отметить, что в СССР в довоенный период, проект создания чрезвычайных органов государственной власти и управления для военного периода не рассматривался, в отличие от Генштаба, который предусматривал создание Ставки главнокомандования с началом боевых действий.

Тем не менее, по решению январского (1933 гг.) объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) были созданы политотделы на машинно-тракторных станциях и в совхозах. Впоследствии политотделы были учреждены на транспорте, рыбных промыслах, в специализированных хозяйствах промышленных ведомств и некоторых других отраслях [2, с. 25].

Политотделы являлись чрезвычайными партийно-государственными органами, и входили в общую систему государственного управления. Они, в отличие от партийных органов, которые оказывали влияние на управление производством через партийные ячейки на данном предприятии, юридически обладали правом осуществлять руководство производством. Политотделы, как чрезвычайные органы наряду с хозяйственными функциями обладали и карательными полномочиями. Так, начальник политотдела являлся заместителем руководителя предприятия и нес персональную ответственность за выполнение хозяйственных планов, а один из работников политотдела одновременно являлся заместителем начальника политотдела по ОГПУ [3, с. 242]. Политотделы как чрезвычайные органы на транспорте успешно работали и в годы Великой Отечественной войны.

Для руководства военными действиями на следующий день после начала войны постановлением СНК и ЦК ВКП(б) была создана Ставка Главного Командования как высший орган руководства. В ее компетенцию входил широкий круг военно-стратегических вопросов: оценкой военно-политической и стратегической обстановки; определением стратегических задач Вооруженных сил; принятием решений по

подготовке и проведению военных кампаний и стратегических операций; созданием стратегических резервов; организацией взаимодействия между оперативными армейскими объединениями и партизанами. Была проведена их коренная реорганизация, уточнены функции, а также сформирован ряд новых управлений [4, с. 351].

Уже с первых дней Великой Отечественной войны стала очевидной необходимость образования действенного механизма распорядительной власти. Эту необходимость обосновали И.В. Сталину его ближайшие соратники – члены. Они заявили, что «еще не все потеряно, что есть полная возможность мобилизовать людей, организовать военное производство, укрепить армию и разгромить врага» [5, с. 75]. Для выполнения этой программы предстояло передать всю власть чрезвычайному органу.

30 июня 1941 г. был создан Государственный комитет обороны (ГКО) – высший государственный орган СССР в годы войны [6, с. 40]. ГКО как чрезвычайный орган наделялся широкими законодательными полномочиями, исполнительными и распорядительными функциями. Он обладал всей полнотой власти в стране, и объединял и военное руководство.

В годы войны партийные съезды не проводились, и даже Политбюро ЦК партии в полном составе не собиралось. Постановления и распоряжения ГКО по существу являлись решениями Политбюро ЦК ВКП (б).

При ГКО активно создавались специальные чрезвычайные органы. **Оперативное бюро ГКО** Советского союза контролировало работу наркоматов оборонной промышленности, и фактически всех остальных отраслей промышленности и транспорта. ГКО занималось так же организацией и решением текущих вопросов эвакуации населения, репатриации советских граждан.

В помощь ГКО был учрежден **Комитет по учету и распределению рабочей силы**. Вопросами перебазирования на восток людских резервов и материальных ценностей руководил **Совет по эвакуации**, который был создан постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 24 июня 1941 года во главе со Н.М. Шверником.

27 июня 1941 г. ЦК ВКП(б) и СНК приняли постановление «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества». Эти решения и последующая директива ГКО от 4 июля 1941 г., определившая основные задачи хозяйственной политики партии в условиях вынужденной эвакуации, явились составной частью единой программы перевода народного хозяйства на военные рельсы.

По решению Государственного комитета Обороны значительное число рабочих и инженерно-технических работников угольной промышленности Донбасса было переведено на работу в восточные районы страны – в Кузбасс, Караганду, Среднюю Азию и другие угольные бассейны. Согласно этому решению из рядов Красной Армии были демобилизованы некоторые квалифицированные горные инженеры и техники. В Караганде заведующим шахтой № 31 работал А. Стаханов. Обучением новых шахтеров в Кузбассе занимались свыше 300 кадровиков из Донбасса. С начала 1942 г. они подготовили более 2000 квалифицированных горняков [7, с. 624].

Начальник комбината «Сталинуголь» А.Ф. Засядько руководил эвакуацией шахтерских кадров, заводов угольного машиностроения и горношахтного оборудования на Восток, а после завершения всей работы был назначен начальником угольного комбината Кизеловского бассейна на Урале.

Наркоматам было предложено возложить на одного из заместителей наркомов персональную ответственность за проведение эвакуации подведомственных им предприятий из прифронтовой полосы. Совет по эвакуации взял на учет все производственные, складские, административные, учебные и другие общественные

здания в тылу страны, где можно было разместить эвакуированные предприятия, и определял города и пункты, куда должны были перебазироваться предприятия.

Утвержденный 30 июня СНК СССР Общий мобилизационный план народного хозяйства предусматривал создание в прифронтовых городах комитетов обороны. 5 июля 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило разработанное Советом по эвакуации «Положение об эвакуационном пункте». В первой половине октября 1941 года в зоне боевых действий оказались Мариуполь, Сталино, Макеевка и другие города Донбасса. В октябре 1941 г. по указанию ГКО Совет по эвакуации принял решение о перемещении предприятий и шахт Донецкой, Ворошиловградской и Ростовской областей. В соответствии с этими решениями на Восток страны вывозилось основное оборудование. В шахтах производились обвалы стволов, разрушались водоотливные и воздушные каналы, затоплялись выработки. Все делалось с таким расчетом, чтобы враг не мог быстро восстановить шахты и использовать их в своих целях [8, с. 98].

На эвакуацию отдельных предприятий отводилось от 2 до 5 дней. С 5 по 8 октября из Мариуполя было вывезено 600 вагонов с оборудованием и 50 вагонов с людьми, а Макеевский завод им. Кирова с 10 по 15 октября вывез 683 вагона с оборудованием и 117 с людьми.

В течение пяти дней длилась эвакуация Енакиевского, Константиновского и других заводов Донбасса. В октябре-декабре 1941г. из Ворошиловградской области было перебазировано вглубь страны 810 вагонов с оборудованием и 12 тысяч рабочих.

Из Сталинской области удалось вывезти 4060 вагонов с оборудованием, материалами и людьми, из Ворошиловградской области было отправлено 7810 вагонов. В Кузбасс и Караганду было направлено 25 тыс. шахтеров из Донбасса. В Карагандинский бассейн из Донбасса в конце 1941-начале 1942 г. приехала значительная группа хозяйственных и инженерно-технических работников, опытных специалистов, прибыли эшелоны донецких шахтеров и энергетиков с оборудованием, врубовыми и подъемными машинами, электровозами и другими агрегатами. Некоторые заводы были эвакуированы на восток целиком.

Интересно отметить, что в декабре 1941 г. из оккупированного фашистами Сталино, в Германию был отправлен первый с территории СССР состав с квалифицированными специалистами, которые не смогли эвакуироваться.

В конце октября 1941 года ГКО принимает решение о создании чрезвычайных органов власти на местах. Создание чрезвычайных органов власти на местах было вызвано дальнейшим продвижением немецко-фашистской захватчиков вглубь страны. Всего до 1943 года было образовано 79 городских комитетов обороны [9, с.63].

Постановлением ГКО № 830с от 22 октября 1941 г. городские комитеты обороны создавались «в интересах сосредоточения всей гражданской и военной власти...» [10, с.116]. Городским комитетам обороны были переданы войска НКВД, местные гарнизоны, отряды МВД и части самообороны.

Выводы. Следовательно, деятельность чрезвычайных партийно-государственных органов с особыми полномочиями в условиях войны демонстрирует высокий уровень ее эффективности и способности решать поставленные задачи в кратчайшие сроки с привлечением минимальных финансовых, материальных и трудовых ресурсов. Создание чрезвычайных органов власти в центре и на местах, полное слияние партийного и государственного руководства, эффективное их функционирование в экстремальных условиях войны в значительной степени повысило роль, значение и авторитет Коммунистической партии и советской государственной политической системы среди населения страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – М., 1968. – Т. 3. – 415 с.
2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: в 15 т. – М., 1985. – Т.6. – 387 с.
3. История Коммунистической партии Советского Союза: в 5 т. – М., 1971. – Т. 4, кн. 2. – 367 с.
4. Креяс В.В. К проблеме государственного управления в условиях Великой Отечественной войны: роль чрезвычайных внеконституционных органов с особыми полномочиями / В.В. Креяс // Вестник ГУУ. – 2015. – №6. – С. 351 - 356.
5. Политическое образование. – 1988. – № 9. – С. 75–79.
6. История технического развития угольной промышленности Донбасса. – К.: Наукова думка, 1969. – 876 с.
7. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – М., 1968. – Т. 3. – 454 с.
8. История промышленности Донбасса: монография / А.А. Саржан, В.В. Липинский, Л.А. Рощина. – Донецк: ДОННТУ, 2020. – 357 с.
9. Данилов, В. Н. Война и власть: Чрезвычайные органы власти регионов России в годы Великой Отечественной войны / В.Н. Данилов. – Саратов, 1996. – 261 с.
10. Данилов, В. Н. Чрезвычайные органы власти в советской государственной системе / В.Н. Данилов // Известия Саратовского университета. – 2012. –Т.12. Сер. История. – С. 115 - 119.

Поступила в редакцию 20.07.2025 г., рекомендована к печати 11.08.2025 г.

ACTIVITIES OF EMERGENCY PARTY AND STATE BODIES WITH SPECIAL AUTHORITIES IN THE SYSTEM OF STATE ADMINISTRATION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941-1945)

Lipinsky V.V.

The article shows the activities of emergency party-state bodies with special powers of state and military administration during the Great Patriotic War. The historical, political and conceptual conditions and prerequisites for this phenomenon are considered. The process of using historical and legal experience in the activities of emergency bodies in modern conditions on the territory of the DPR with the start of a special military operation and the introduction of martial law in the DPR is shown. An analysis was made of the feasibility of creating and the effectiveness of the activities of emergency bodies. Ways to achieve emergency goals of managing emergency funds are presented.

Keywords: World War II, state and military administration, emergency authorities, special powers, special military operation, martial law.

Липинский Виталий Владимирович

доктор исторических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
Российская Федерация, ДНР, г. Донецк.
E-mail: lipinskiyv@mail.ru

Lipinsky Vitaly Vladimirovich

Doctor of Historical Sciences, Professor at the
Department of Civil Law and Procedure of Donetsk
State University,
Russian Federation, DPR, Donetsk.
E-mail: lipinskiyv@mail.ru

**ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ
(ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ)
НАУКИ**

УДК 342

DOI 10.5281/zenodo.17782072

**К ВОПРОСУ О ПОЛНОМОЧИЯХ ОРГАНОВ МЕСТНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ ИНВЕСТИЦИОННОЙ
ПОЛИТИКИ**

© 2025. *В.Ю. Поляков, Н.Г. Полякова*

Статья посвящена исследованию полномочий органов местного самоуправления в сфере инвестиционной деятельности в контексте интеграции Донецкой Народной Республики в правовую систему России. На основе анализа законодательства, правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, материалов правоприменительной практики предложено законодательно закрепить обязанность органов местного самоуправления оказывать содействие и помощь инвесторам в подготовке и реализации инвестиционных проектов.

Ключевые слова: органы местного самоуправления, полномочия, инвестор, муниципальные правовые акты, отмена.

Введение. Одним из приоритетов государственной политики Российской Федерации на новых территориях, в том числе в Донецкой Народной Республике (далее – ДНР) является обеспечение устойчивого социально-экономического развития, привлечение инвестиций, развитие инфраструктуры, оказание государственной поддержки хозяйствующим субъектам, а также повышение уровня и качества жизни граждан. При этом, важнейшим фактором, обуславливающим эффективность интеграционных процессов и поступательное развитие новых территорий, является стабильность и правовая определенность положения участников публичных правоотношений, которые зависят, в том числе, от деятельности органов местного самоуправления.

Правовая природа, полномочия и принципы местного самоуправления освещены в работах С.А. Авакьяна, А.Ю. Бушева, Г.А. Гаджиева, М.Л. Давыдовой, Д.В. Дождева, С.А. Мосина, М.А. Полякова, Е.С. Шугриной и др. При этом, эффективная реализация инвестиционной политики органами публичной власти требует доктринальной разработки полномочий органов местного самоуправления и особенностей их реализации в указанной сфере, что обуславливает актуальность выбранной темы исследования.

Цель исследования заключается в анализе полномочий органов местного самоуправления в сфере инвестиционной политики и особенностей их реализации в ДНР.

Основная часть. В рамках интеграции ДНР в правовую систему Российской Федерации приняты Конституция ДНР и законы, регламентирующие систему и полномочия органов публичной власти, в том числе, местного самоуправления, а также меры, направленные на развитие предпринимательства и поддержку инвестиционной деятельности в республике. При этом, стабильность и неизменность правового

положения граждан, предпринимателей и инвесторов, позволяющая осуществлять разумное прогнозирование, является определяющим фактором, стимулирующим хозяйственную активность, привлечение инвестиций и заинтересованность бизнеса в реализации проектов.

Необходимо отметить комплексный и проработанный подход к обеспечению благоприятной правовой среды для развития ДНР. Так, приняты Федеральный закон "О свободной экономической зоне на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области" от 24.06.2023 № 266-ФЗ, закон ДНР от 17 мая 2023 года № 444-ПНС «Об инвестиционной политике и государственной поддержке инвестиционной деятельности в Донецкой Народной Республике» (далее – закон ДНР № 444), а также ряд подзаконных актов, направленных на реализацию положений указанных законов, в частности, Правила передачи управляющей компанией земельных участков участникам свободной экономической зоны, Порядок предоставления юридическим лицам земельных участков, находящихся в собственности Донецкой Народной Республики и муниципальной собственности, в аренду без проведения торгов, Порядок предоставления в аренду имущества и расчета стоимости аренды имущества, находящегося в государственной собственности Донецкой Народной Республики по договорам аренды имущества в целях реализации соглашений о размещении объектов социально-культурного и коммунально-бытового назначения, о реализации масштабного инвестиционного проекта и др. В рамках реализации инвестиционной политики создан Инвестиционный комитет ДНР, запущены информационные ресурсы, в частности, Инвестиционный портал Донецкой Народной Республики, реестры инвестиционных площадок, проектов и предложений, принята Инвестиционная карта ДНР, призванная предоставить инвесторам актуальную информацию о наличии свободных площадок для реализации инвестиционных проектов, преференциальных режимов, инженерной и транспортной инфраструктуры, наличии ресурсов, в том числе полезных ископаемых, а также мерах государственной поддержки.

Правительством РФ принята Государственная программа «Восстановление и социально-экономическое развитие Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области» (утверждена постановлением Правительства от 22 декабря 2023 года №2255), согласно которой планируется обеспечить привлечение инвестиций участников свободной экономической зоны в основной капитал в объеме 52, 7 млн. рублей на одного участника свободной экономической зоны к 2030 году [1]. При этом, достижение задач, определенных в указанной программе в соответствии с национальными целями развития Российской Федерации (восстановление автодорожной, морской, транспортной инфраструктуры; повышение комфортности общественных пространств путем благоустройства территорий; создание благоприятного инвестиционного климата; улучшение качества городской среды) невозможно без активного содействия и деятельного участия органов местного самоуправления.

Согласно положениям ст. 19 Закона ДНР № 444, в Донецкой Народной Республике всем инвесторам независимо от организационно-правовой формы гарантируются стабильность, защита прав и интересов, а также стабильность положения инвесторов в пределах компетенции Донецкой Народной Республики на период реализации инвестиционного проекта [2]. В то же время, отмеченный комплексный подход к созданию благоприятной экономико-правовой среды представляется неполным без фактического обеспечения неизменности и стабильности

правового положения участников публично-правовых отношений, в том числе, с участием органов местного самоуправления.

Органы местного самоуправления играют значительную роль в формировании благоприятного инвестиционного климата в муниципальном образовании, поскольку наделены широкими полномочиями в сфере распоряжения объектами муниципальной собственности, установления правил содержания и благоустройства территории муниципальных образований, а также градостроительной деятельности (в т.ч. утверждения местных нормативов градостроительного проектирования, правил землепользования и застройки; выдачи разрешений на строительство, ввод объектов в эксплуатацию, реконструкции объектов капитального строительства и др.). Как отмечает А.П. Абрамов, «эффективность усилий местной администрации может иметь решающее значение при выборе инвесторами места размещения своих производств и реализации иных прямых инвестиций» [3].

Комплексный анализ положений закона «Об инвестиционной политике и государственной поддержке инвестиционной деятельности в Донецкой Народной Республике» от 17 мая 2023 г. и Постановления Правительства ДНР «О некоторых вопросах предоставления юридическим лицам земельных участков, находящихся в собственности Донецкой Народной Республики и муниципальной собственности, в аренду без проведения торгов» от 22.06.2023 г. № 45-6 позволяет прийти к выводу, что к полномочиям органов местного самоуправления в сфере публичного регулирования инвестиционной деятельности относятся:

1) взаимодействие с исполнительными органами власти Донецкой Народной Республики по вопросам размещении объектов социально-культурного и коммунально-бытового назначения и реализации инвестиционных проектов (ст.3 закона);

2) выявление неэффективно используемого имущества (земельных участков), находящихся в собственности муниципального образования в целях вовлечения их в инвестиционный процесс;

3) принятие решения о предоставлении юридическому лицу в аренду без проведения торгов земельного участка, находящегося в муниципальной собственности на основании распоряжения Главы Донецкой Народной Республики в случае, если такой объект соответствует совокупности следующих критериев: а) включает объекты социально-культурного и коммунально-бытового назначения, масштабные инвестиционные проекты в документы территориального планирования муниципальных образований или муниципальные программы; б) является стороной соглашения о размещении объектов социально-культурного и коммунально-бытового назначения, соглашения о реализации инвестиционного проекта (ч. 1 ст. 13);

4) выступают стороной соглашения о размещении объектов социально-культурного и коммунально-бытового назначения. От имени муниципального образования такое соглашение подписывает глава муниципального образования или иной уполномоченный орган местного самоуправления в соответствии с уставом муниципального образования;

5) предоставление письменных заключений о соответствии размещения объекта (реализации инвестиционного проекта) документам территориального планирования и градостроительного зонирования, документации по планировке территории и иным требованиям градостроительного законодательства, а также о возможности (невозможности) предоставления земельного участка, находящегося в муниципальной собственности, или земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена;

6) предоставление письменных заключений о необходимости и целесообразности размещения объекта на территории муниципального образования;

7) предоставление письменных заключений на предмет наличия (отсутствия) расположенных на таком земельном участке здания, сооружения, объекта незавершенного строительства, принадлежащих гражданам или юридическим лицам, находящихся в муниципальной собственности;

8) предоставление письменных заключений об ожидаемых результатах влияния реализации инвестиционного проекта на социально-экономическое развитие муниципального образования и о возможности реализации инвестиционного проекта на территории соответствующего муниципального образования.

Кроме того, к полномочиям органов местного самоуправления в сфере градостроительной деятельности относятся: 1) подготовка и утверждение документов территориального планирования поселений; 2) утверждение местных нормативов градостроительного проектирования поселений; 3) утверждение правил землепользования и застройки поселений; 4) утверждение документации по планировке территории; 5) выдача разрешений на строительство, разрешений на ввод объектов в эксплуатацию при осуществлении строительства, реконструкции объектов капитального строительства, расположенных на территориях поселений; 6) направление уведомлений при осуществлении строительства, реконструкции объектов индивидуального жилищного строительства, садовых домов на земельных участках, расположенных на территориях поселений; 7) проведение осмотра зданий, сооружений на предмет их технического состояния и надлежащего технического обслуживания; 8) разработка и утверждение программ комплексного развития систем коммунальной, транспортной, социальной инфраструктуры поселений; 9) заключение договоров о комплексном развитии территории по инициативе правообладателей земельных участков и (или) расположенных на них объектов недвижимого имущества; 10) принятие решений о комплексном развитии территорий в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом; 11) принятие решения о сносе самовольной постройки и др. (ст. 8 Градостроительного кодекса РФ) [4].

Таким образом, органы местного самоуправления наделены широким перечнем полномочий, наделяющих их возможностью оказывать властное воздействие на ход реализации инвестиционного проекта. В то же время, закрепленное ч. 1 ст. 48 закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – закон 131-ФЗ) формально неограниченное право органов местного самоуправления отменять в порядке самоконтроля ранее принятые ими муниципальные правовые акты создает предпосылки для возможных злоупотреблений. Так, согласно положениям ст. 48 Закона 131-ФЗ, муниципальные правовые акты могут быть отменены или их действие может быть приостановлено органами или должностными лицами местного самоуправления, издавшими соответствующий муниципальный правовой акт, в порядке самоконтроля [5].

На сегодняшний день сложилась ситуация, при которой указанное право органа местного самоуправления на отмену муниципальных правовых актов имеет фактически абсолютный характер. На это обращает внимание и КС РФ, который в Постановлении от 9 ноября 2022 г. № 48-П указывает на то, что при принятии решения об отмене принятых ими муниципальных правовых актов органы местного самоуправления наделены широким (формально не ограниченным) административным усмотрением [6]. Следует отметить, что КС РФ, приходя к общему выводу о конституционности ч. 1 ст. 48 закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», установил, по сути, «точечный» запрет на отмену органами местного

самоуправления конкретной разновидности муниципально-правовых актов (разрешения на ввод в эксплуатацию объекта индивидуального жилищного строительства) при определенных условиях (регистрация права собственности на этот объект в Едином государственном реестре недвижимости). Не указывая на наличие пробела в праве, суд обратил внимание на отсутствие правовых ограничений полномочий органа местного самоуправления на отмену актов: «уполномоченному органу предоставляется широкое (формально не ограниченное) административное усмотрение при принятии такого решения».

Анализ материалов правоприменительной практики позволяет прийти к выводу о том, что положения ст. 48 Закона 131 ФЗ в условиях отсутствия конкретизации оснований и правовых последствий отмены муниципальных актов оказывают дестабилизирующее воздействие на сферу публичных правоотношений, поскольку не позволяют их участникам в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, приобретенных прав и гарантий их защиты. Указанная правовая неопределенность приводит к многочисленным судебным спорам, а в отдельных случаях и к необходимости возмещения ущерба и упущенной выгоды органами местного самоуправления. Так, постановлением Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 22 апреля 2021 г. по делу № А45-36418/2019 оставлено без изменений постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 13.01.2021 г., в котором суд постановил взыскать с муниципального образования город Новосибирск в лице мэрии города Новосибирска за счет казны муниципального образования в пользу общества с ограниченной ответственностью "Лидер" 10 969 800 р. убытков [7]. Основанием для взыскания ущерба послужили действия органов местного самоуправления, в том числе, отмена ранее принятых муниципальных актов (разрешения на строительство и правил землепользования и застройки). В то же время, судебная практика по данной категории дел не отличается однородностью, а процесс доказывания наличия и размера убытков является длительным, трудо- и финансово затратным. С учетом изложенного, с целью обеспечения стабильности правового положения инвесторов представляется целесообразным проводить оценку регулирующего воздействия в том числе муниципальных правовых актов. На сегодняшний день такая оценка осуществляется Инвестиционным комитетом ДНР только в отношении правовых актов Донецкой Народной Республики. Указанный подход позволит конкретизировать основания для отмены муниципальных правовых актов, способствуя тем самым созданию предсказуемых и стабильных условий для реализации своих прав участниками муниципальных правоотношений.

Представляется, что одним из правовых средств решения указанной проблемы также может выступать законодательное закрепление обязанности органов местного самоуправления оказывать содействие и помощь инвесторам в подготовке и реализации инвестиционных проектов. Необходимо отметить, что аналогичная обязанность на сегодняшний день предусмотрена частью 3 ст. 12 закона ДНР «Об инвестиционной политике и государственной поддержке инвестиционной деятельности в Донецкой Народной Республике» только для органов исполнительной власти ДНР. Так, исполнительные органы Донецкой Народной Республики и подведомственные им организации обязаны в рамках своих полномочий оказывать необходимую помощь инвесторам в подготовке и реализации инвестиционных проектов, в том числе по размещению объектов социально-культурного и коммунально-бытового назначения, принимать меры к сокращению количества и сроков проведения разрешительных и иных административных процедур. С учетом изложенного, предлагается дополнить ч.

3 ст. 12 указанного закона, изложив ее в следующей редакции: «3. Исполнительные органы Донецкой Народной Республики, подведомственные им организации, а также органы местного самоуправления обязаны в рамках своих полномочий оказывать необходимую помощь инвесторам в подготовке и реализации инвестиционных проектов, в том числе по размещению объектов социально-культурного и коммунально-бытового назначения, принимать меры к сокращению количества и сроков проведения разрешительных и иных административных процедур. Указанное будет способствовать защите прав инвесторов и созданию стабильных и предсказуемых условий для реализации инвестиционных проектов на территории ДНР.

Выводы. Таким образом, на основе проведенного анализа полномочий органов местного самоуправления в сфере реализации инвестиционной политики и с учетом необходимости обеспечения стабильности правового регулирования инвестиционной деятельности предложено внести дополнения в часть 3. ст. 12 закона ДНР № 444 с целью распространения обязанности оказывать необходимую помощь инвесторам в подготовке и реализации инвестиционных проектов, сокращению количества и сроков проведения разрешительных и иных административных процедур на органы местного самоуправления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Государственная программа «Восстановление и социально-экономическое развитие Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области»: Постановление Правительства от 22 декабря 2023 г. №2255 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/docs/all/151710/> (дата обращения: 07.08.2025). – Загл. с экрана.
2. Об инвестиционной политике и государственной поддержке инвестиционной деятельности в Донецкой Народной Республике: закон Донецкой Народной Республики от 17 мая 2023 года № 444-ПНС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://glavadnr.ru/doc/zakony/zp444.pdf> / (дата обращения: 07.08.2025). – Загл. с экрана.
3. Абрамов, А.П. Эффективность работы органов местного самоуправления – основа формирования инвестиционного климата в муниципальном образовании // Вестник ТГПУ. 2012. №12 (127). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-raboty-organov-mestnogo-samoupravleniya-osnova-formirovaniya-investitsionnogo-klimata-v-munitsipalnom-obrazovanii> (дата обращения: 07.08.2025). – Загл. с экрана.
4. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/dec48f9d22a38b1fe436e3a606492ae123d0c258/ (дата обращения: 07.08.2025). – Загл. с экрана.
5. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 07.08.2025). – Загл. с экрана.
6. По делу о проверке конституционности абзаца первой части 1 статьи 48 Федерального закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" в связи с жалобой граждан Ю.А. Плехтеевой, А.Ю. Савушкиной и А.Ю. Яковлевой: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 09.11.2022 № 48-П / Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202211110001/> (дата обращения: 07.08.2025). – Загл. с экрана.
7. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 22.04.2021 N Ф04-1603/2021 по делу N А45-36418/2019 / Официальный сайт Арбитражного суда Западно-Сибирского округа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/9fa412c3-4b07-4ca9-b332-3b9cb3e4e467f/> (дата обращения: 07.08.2025). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 10.08.2025 г., рекомендована к печати 28.08.2025 г.

TO THE QUESTION OF THE POWERS OF LOCAL GOVERNMENT BODIES IN THE SPHERE OF INVESTMENT POLICY IMPLEMENTATION

Polyakov V.Yu., Polyakova N.G.

The article is devoted to the study of the powers of local government bodies in the sphere of investment activity in the context of the integration of the Donetsk People's Republic into the legal system of Russia. Based on the analysis of legislation, legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, materials of law enforcement practice, it is proposed to legislatively enshrine the obligation of local government bodies to provide assistance and support to investors in the preparation and implementation of investment projects.

Keywords: local government bodies, powers, investor, municipal legal acts, cancellation.

Поляков Виталий Юрьевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
Российская Федерация, ДНР, г. Донецк.
E-mail: pkvitaliy@inbox.ru

Полякова Наталья Геннадьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
Российская Федерация, ДНР, г. Донецк.
E-mail: ngpoliakova@inbox.ru

Polyakov Vitaly Yurievich

Candidate of law, Associate Professor at the Department of Constitutional and International Law of Donetsk State University,
Russian Federation, DPR, Donetsk.
E-mail: pkvitaliy@inbox.ru

Polyakova Natalya Gennadievna

Candidate of law, Associate Professor at the Department of Constitutional and International Law of Donetsk State University,
Russian Federation, DPR, Donetsk.
E-mail: ngpoliakova@inbox.ru

УДК 351/354

DOI 10.5281/zenodo.17782134

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ КАК ИННОВАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС В ГОСУДАРСТВАХ-ЧЛЕНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

© 2025. *К.П. Усатенко*

Тема цифровизации, на сегодняшний день, одна из актуальнейших тем среди всех развитых стран мира, поскольку она является двигателем всего прогресса и мощным толчком для повышения конкурентоспособности государства; именно благодаря цифровизации происходит цифровая трансформация как в экономике, промышленности и культуре, так и в государственной службе.

Так, в данной научной работе анализируются все преимущества и особенности внедрения цифровых технологий в органы государственной власти. Рассматривается концептуально новая форма государственного управления – концепция «Электронное правительство» в государствах-членах Евразийского экономического союза; а также рассматривается необходимость обеспечения кибербезопасности как для граждан, так и для самих органов государственной власти. Обоснована необходимость разработки единого нормативного правового акта, который будет объединять все нормы права, связанные с информационными и цифровыми технологиями, а именно единый Цифровой кодекс государств-членов Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: органы государственной власти, цифровизация, цифровые технологии, цифровая трансформация, электронное правительство, кибербезопасность.

Введение. XXI век – век технологий, его также ещё называют «четвёртая промышленная революция». Мир вокруг нас стремительно меняется и с каждым разом появляются новые модели государственного управления, особенно в части цифровизации.

Так, на сегодняшний день, в условиях глобальной цифровизации, развитие цифровых технологий стало важнейшим фактором, оказывающим существенное влияние на конкурентоспособность государств. Цифровая трансформация приведёт к реальным изменениям во всех направлениях и отраслях общества, в частности в экономике, промышленности, культуре, в том числе и в государственной службе. В свою очередь, страны Евразийского экономического союза переход к цифровой экономике рассматривают как мощный толчок к экономическому росту; происходят радикальные изменения в IT-технологиях и органы государственной власти не являются исключением.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что в современном государстве приоритетной задачей выступает внедрение цифровых технологий в сфере государственного управления и использования новых электронных платформ. Это создаёт предпосылки для преобразования функций государственного управления, позволяющих обеспечить более эффективное взаимодействие между органами государственной власти и населением.

Основная часть. Роль цифровизации увеличивается с каждым днём, в связи с чем осуществляется перевод привычных повседневных действий, связанных с материальными ресурсами, в электронный формат. Так, в настоящее время мы можем говорить о концептуально новой форме государственного управления – а именно о концепции «Электронное правительство» или «Цифровое правительство». В связи с

чем, центральное место в развитии цифровых технологий занимает модернизация государственного управления.

Предметом исследования выступает цифровизация в органах государственной власти (предприятиях, учреждениях и в организациях).

Прежде чем приступить к изучению данного вопроса считаем необходимым обратиться к определению понятия «Цифровизация». Следует обратить внимание на то, что ни в одном законодательстве стран Евразийского экономического союза нет легального определения понятия «Цифровизация», в связи с чем считаем необходимым обратиться к юридической литературе. Данный процесс характеризуется как внедрение цифровых технологий в различные сферы жизни общества.

«Цифровизация государственной службы предполагает процесс внедрения современных информационных технологий в деятельность органов государственной власти, позволяющих осуществить трансформацию традиционных государственных услуг в электронные формы и обеспечить эффективное взаимодействие граждан. Она охватывает все сферы государственного управления и создает новые подходы к предоставлению услуг населению [1, с. 28]».

Целью цифровизации является – избежание бюрократических процессов. Цифровая трансформация позитивно влияет на экономические показатели за счет повышения эффективности процессов, создания новых рабочих мест, привлечения инвестиций, упрощения бюрократической системы и пр. [2, с. 240].

Отметим, что цифровизация в деятельности органов государственной власти предполагает использование цифровых технологий с целью улучшения взаимодействия граждан с государственной системой. Это позволяет оптимизировать работу органов власти и повысить эффективность работы, что в последствии повлечёт собой сокращение ресурсозатратности, улучшение безопасности потребителей и существенным образом повлияет на их комфорт. Необходимо подчеркнуть, что цифровизация затрагивает также внутреннюю работу и взаимодействие органов государственной власти (электронный документооборот, электронное межведомственное взаимодействие, автоматизированная система учёта работы и прочее), развитие цифровых технологий способствует сокращению времени государственных служащих на выполнение определённых поставленных задач.

Так, государства-члены Евразийского экономического союза (далее – государства-члены ЕАЭС) столкнулись с цифровой трансформацией и подверглись реальным изменениям во всех аспектах общества, экономики, промышленности и культуры. В частности, появилась новая форма организации деятельности органов государственной власти, обеспечивавшая качественно новый уровень оперативности и удобства предоставляемых электронных государственных услуг. В качестве такой новой формы принято считать концепцию «Электронное правительство» или как её ещё называют в последнее время «Цифровое правительство» (как более прогрессивную модель).

Так, первой кого мы рассмотрим будет Российская Федерация. Отметим, что Указом Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» принята Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы, которая стала правовой основой и мощным толчком к развитию в Российской Федерации цифрового пространства.

В Российской Федерации успешным решением цифровизации мы можем считать создание единых порталов по оказанию государственных и муниципальных услуг, а также создание электронного правительства. Концепция «Электронное правительство»

была утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 06.05.2008 № 632-р. Данная концепция определяет распространение информационно-коммуникационных технологий в социально-экономической сфере и в органах государственной власти.

Одной из основных функций электронного правительства является предоставление государственных и муниципальных услуг гражданам и организациям в электронной форме [3, с. 109]. Наиболее востребованным элементом Электронного правительства является портал «Госуслуги». Но об этом расскажем немного позже.

Второй на очереди будет Республика Беларусь. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 02.02.2021 № 66 «О Государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021-2025 годы» утверждена Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021-2025 годы, как одна из главных инструментов по внедрению цифровых технологий. «В Республике Беларусь создано электронное правительство, основными компонентами которого являются автоматизация административно-управленческих процессов, единая межведомственная система документооборота, широкий доступ к системе государственных услуг в целях повышения эффективности системы государственного управления, обеспечивающей комфортное и быстрое взаимодействие органов власти с гражданами и бизнесом [4, с. 213]».

Следующей кого мы рассмотрим это Республика Казахстан. В результате трансформации государственного управления Казахстана планируется разработка нормативно-правовой платформы для построения модели взаимоотношений общества и государства [5, с. 829].

На смену сервисному государству приходит модель «электронного правительства», открывающая новые возможности, накладывающая огромную ответственность и требующая новых подходов. На текущий момент Казахстан еще далек от электронного правительства. В отличие от передовых стран, которым присуща стадия «электронного правительства 2.0», или правительства «без границ», в Казахстане обозначенный этап развития электронного правительства назван как «электронное правительство 1.0» или правительство технологий электронных услуг [5, с. 830].

Также рассмотрим цифровую трансформацию в Республике Армения. В научной работе Айрапетяна Г. Р. «Вызовы внедрения электронного правительства в Республике Армения» сказано: ИКТ очень важны для процесса сокращения бедности. ИКТ могут обеспечить новые источники дохода и занятости для бедных слоёв населения, улучшить предоставление медицинских и образовательных услуг и повысить конкурентоспособность экономики. Процесс внедрения ИКТ в государственный сектор известен как «цифровое правительство» или «электронное правительство», что позволяет правительствам обеспечить доступ и участие для всех [6, с. 14].

Государственная программа на 2017-2022 годы предусматривала подготовку Программы цифровой трансформации Армении (DTAA), новой стратегии цифрового правительства, но несмотря на то, что проект был завершён, правительство до сих пор его не приняло. В Армении инструменты электронного правительства развиваются в различных сферах государственного управления. В настоящее время существует почти 21 инструмент электронного правительства и базы данных государственных учреждений РА, которые объединены на одном правительственном веб-сайте. При поддержке ЕС в Армении создано более десяти платформ электронного правительства, в том числе система электронного документооборота Mulberry, электронная система правительства Армении. Государственный реестр юридических лиц и Единый веб-сайт для публикации проектов правовых актов. В настоящее время разрабатываются еще две

системы: платформа взаимодействия и Единая Электронное окно [6, с. 16]. Однако, на сегодняшний день вопрос успешного внедрения электронного правительства стоит на повестке дня в государственном аппарате Республики Армения.

Последней кого мы рассмотрим будет Кыргызская Республика. «Кыргызская Республика на протяжении ряда лет работает в направлении создания электронного/цифрового правительства как инструмента для модернизации системы государственного управления. По сути, начало этому процессу положила принятая Правительством в 2013 г. Стратегия по электронному государственному управлению Кыргызской Республики на 2014-2017 гг. [7, с. 25]. <...> Наиболее активно развитие электронного управления началось с 2017 г. Создание и развитие электронного правительства в Киргизии, как и во многих странах мира, стало одним из приоритетов совершенствования государственного управления. В создании электронного правительства проявлялась определенная политика государства. В первое десятилетие 2000х гг. ее определяла Программа развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в Кыргызской Республике. Одной из основных задач данной программы была обозначена информатизация органов государственной власти и местного самоуправления, т.е. создание электронного правительства как системы интерактивного взаимодействия государства и граждан при помощи сети Интернет [7, с. 25]».

Согласно Рейтингу стран мира по уровню развития электронного правительства 2024 составленного Департаментом экономического и социального развития ООН Республика Казахстан по уровню развития электронного правительства занимает 24 место. Россия в рейтинге 2024 года заняла 43-е место. Республика Армения – 48-е, Республика Беларусь – 77-е, Кыргызская Республика – 78-е место в рейтинге [8]. В рейтинге учитываются три индикатора: индекс телекоммуникационной инфраструктуры, индекс человеческого капитала и индекс онлайн-услуг.

Такое расположение стран-участниц в Рейтинге стран мира по уровню развития электронного правительства 2024 обусловлено тем, что законодатель продолжает сохранять традиционные способы оказания государственных (публичных) услуг (то есть неэлектронные), поскольку часть населения государства нуждается как в повышении компьютерной грамотности, так и в предоставлении возможности доступа к компьютерным технологиям и электронным услугам. Решить сложившуюся проблему без государственной социальной поддержки невозможно.

То есть, перед государствами-членами ЕАЭС, в частности перед Россией, стоит главная задача – повысить компьютерную грамотность среди населения (особенно среди граждан пожилого возраста) в части освоения таких навыков, как: работа с файлами, браузерами, облачными сервисами, использование основных программ и обеспечение безопасности в интернете; в частности, следующим шагом к решению сложившейся проблемы является проведения Интернета даже в самые отдалённые города, а также снабжение и обеспечение граждан компьютерными технологиями. Поскольку снабжение и обеспечение является слишком ресурсозатратным, то на наш взгляд, в каждом городе и/или поселении следует создать компьютеризированный пункт управления, что будет представлять собой пункт, в котором используются компьютерные технологии для выполнения эксплуатационных процедур обеспечивающие доступ к осуществлению государственных услуг; а также следует создать передвижные мобильные компьютеризированные пункты управления предназначенные для малоподвижных граждан (как например, созданные передвижные медицинские комплексы, то есть транспортное средство, специально переоборудованное для оказания медицинских услуг).

Теперь рассмотрим портал «Госуслуги». Как было сказано ранее, портал «Госуслуги» является наиболее востребованной формой получения государственных услуг населением.

Одним из показательных примеров цифровизации на федеральном уровне является развитие портала «Госуслуги», – как отмечал Смирнов И. Р. – Сегодня это – 5-я цифровая экосистема в России по масштабу трафика, а также по числу активных пользователей в сутки. Портал «Госуслуги» позволяет гражданам эффективно взаимодействовать с бюрократической системой и оптимизировать время, затрачиваемое на оформление той или иной государственной услуги. Таким образом граждане России сэкономили уже 30 млн часов. В целом на портале зарегистрировано более 115 млн подтвержденных пользователей, а 11 млн человек заходят туда ежедневно [2, с. 240]. Этим и другими достижениями славится развитие цифровых технологий в России. Ведь именно благодаря внедрению цифровизации в органы государственной власти, повысилась эффективность работы государственных организаций, а также значительно улучшилось качество предоставляемых услуг.

В настоящее время, одним из волнующих вопросов в государствах-членах ЕАЭС является вопрос цифровой безопасности (кибербезопасность). «Цифровизация обостряет вопросы защиты данных, поскольку приводит к росту количества угроз информационной безопасности [9, с. 86]». Сегодня у простых граждан страны снижается доверие к цифровой среде из-за опасений по поводу того, соблюдаются ли поставщиками услуг основные права, такие как защита персональных данных [9, с. 87]. Переход к цифровому обществу влечёт за собой необходимость переосмысления подходов к управлению информацией и обработки персональных данных. В условиях, когда личные данные выступают ключевым ресурсом современной экономики, крайне важно обеспечить доверие граждан и руководителей учреждений к защищённости их персональных данных от злоупотреблений. Обеспечение безопасности и независимости данных становится основополагающим принципом функционирования демократического государства.

Так, по мнению таких авторов как Примаков Т. К. и Серовой О. А. сегодня возникает необходимость в активизации участия государства в обеспечении кибербезопасности, в том числе в процессах определения понятия и видов киберпреступлений, выработки мер борьбы с этим явлением, подготовки специалистов соответствующей квалификации [9, с. 90].

Особенно важной является цифровая безопасность в органах государственной власти, которая должна включать в себя комплекс мер, направленных на защиту информационных систем и данных от киберугроз. Поскольку с развитием цифрового правительства, стопроцентный переход на использование государственных услуг может стоять под угрозой, так как гражданин который хочет воспользоваться той или иной государственной услугой должен предоставить свои персональные данные (начиная от фамилии, имени и отчества, до его паспортных данных), но в современном мире с появлением большого количества мошенников, которые с лёгкостью взламывают учётные записи, или иным способом получают доступ к данным, активно используют их в своих целях, зачастую для получения прибыли.

Также киберпреступления возможны и в отношении самих органов власти, поскольку может быть осуществлена хакерская атака, а именно «DoS-атака (от англ. Denial of Service, отказ в обслуживании) – атака на вычислительную систему с целью довести её до отказа, то есть создание таких условий, при которых легитимные (правомерные) пользователи системы не могут получить доступ к предоставляемым системой ресурсам (серверам), либо этот доступ затруднён [10, с. 220]».

В частности, в России за последнее время, в особенности по состоянию на 2023-2025 год, зафиксирована волна фишинга. «Фишинг является наиболее распространенной формой киберпреступной деятельности. Фишинговые атаки происходят с помощью поддельных веб-сайтов, email-сообщений или текстовых приложений. Цель – убедить пользователя ввести конфиденциальную информацию [11, с. 20]».

Например, злоумышленники могут подделывать домен почтового адреса (на сервисе mail.ru), заменить одну букву или цифру, так, что это не будет заметно невооружённым взглядом. После чего злоумышленники по электронной почте осуществляют рассылку документов с вложениями, которые маскируются под файлы документов в разных форматах и архивы, во вложениях содержатся вредоносные файлы с типичными для деловой переписки названиями, с отметкой «Срочно», «Контроль» и так далее. Государственные учреждения являются наиболее частой целью фишинговых атак.

Таким образом, мы можем заключить, что в настоящее время активно развивается IT-мошенничество. В связи с чем, считаем необходимым разработать соответствующие нормативные правовые акты регулирующие основы информационной безопасности и вопросы, касающиеся конфиденциальности данных, которые определяют права и обязанности граждан в цифровой сфере; в частности, важным для защиты государственных систем являются методы безопасного кодирования и протоколы шифрования данных; следует расширить кадровый состав в органах власти для выявления тревожных сигналов, внедрения методов обеспечения безопасности и сообщения о подозрительной активности и о подозрительных операциях.

В завершении хотелось бы отметить самое главное – современный мир в сфере цифровизации стремительно развивается, оказывая существенное влияние на все сферы общественных отношений, а также на развивающееся с этими темпами законодательство, в связи с чем право которое содержит в себе указанные отношения претерпевает существенные изменения.

Первые попытки к урегулированию отношений в сфере цифровизации (информации и информационных технологий) были предприняты тогда, когда был принят Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». С того момента принято огромное количество нормативных правовых актов, регулирующих данные общественные отношения.

Необходимо подчеркнуть, что с стремительным развитием технологий и указанных выше отношений данные правовые материи являются весьма подвижными: поскольку возникают новые понятия, институты и объекты в сфере IT-технологий. Отметим, что для того, чтобы законодателю подстраиваться под стремительно меняющуюся действительность необходимо на регулярной основе вносить изменения и дополнения в действующее законодательство, а также принимать огромное количество новых нормативных правовых актов.

Подытоживая результаты проведённого исследования, мы можем заключить, что цифровизация затрагивает различные сферы деятельности в органах государственной власти и местного самоуправления, что способствует повышению уровня профессиональных качеств у служащих.

Так, в настоящее время мы имеем колоссальное по своим объёмам законодательство, регулирующее отношения, которые относятся к информационным правоотношениям и цифровым технологиям.

На фоне указанных положений возникла закономерная идея создания и разработки единого нормативного правового акта. Учитывая всё вышеизложенное предлагаем законодателям стран Евразийского экономического союза разработать совместный проект единого Цифрового кодекса государств-членов Евразийского экономического союза, который будет объединять все нормы права, связанные с информационными и цифровыми технологиями, что позволит единообразно урегулировать интеграционные процессы в сфере цифровизации в рамках единого цифрового пространства. Это прежде всего, необходимо для формирования единого цифрового пространства.

Как известно, в Российской Федерации данный вопрос стоит на повестке дня, и принятие соответствующего проекта Цифрового кодекса Российской Федерации активно обсуждается и принят он будет не раньше 2026 года. Сама идея создания подобного акта в России возникла ещё в 2014 году и была поддержана Президентом Российской Федерации Владимиром Владимировичем Путиным. Однако в декабре 2023 года Совет при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства отверг идею разработки Цифрового кодекса, указав на отсутствие предпосылок для его принятия.

В Республике Казахстан также разрабатывался проект Цифрового кодекса. В проекте рассматривались три основных направления: цифровые права человека и гражданина, цифровая экономика и цифровое государство. В октябре 2024 года сообщалось, что документ уже прошёл все экспертизы и его планировали представить общественности в формате открытого кода.

Этот вопрос также не прошёл мимо Парламента Кыргызской Республики. Парламент Республики принял в первом чтении законопроект о Цифровом кодексе, который будет нацелен на формирование правовых условий для защиты и реализации прав и свобод человека и гражданина в цифровом пространстве, развития цифровой экономики и повышения инвестиционной привлекательности республики.

Проект Цифрового кодекса в остальных государствах-членах ЕАЭС (Республика Беларусь и Республика Армения), на сегодняшний день, ещё не разрабатывался. Примечательно следующее, что в настоящее время ни в одной стране мира не принят Цифровой кодекс, но обсуждения по его разработке ведутся в некоторых странах СНГ (Республика Казахстан, Азербайджанская Республика, Республика Узбекистан, Кыргызская Республика и Российская Федерация).

В связи с чем свою актуальность приобретает вопрос разработки и принятия как отдельного в каждом государстве, так и единого нормативного акта в странах ЕАЭС, учитывая особенности национальных культур.

Необходимо отметить, что цифровой кодекс будет направлен на создание правовых основ для контроля цифровых технологий, включая искусственный интеллект, облачные сервисы и онлайн-услуги; разработку единых принципов регулирования информационных коммуникаций; определение правового статуса субъектов в информационном пространстве; обеспечение прав и свобод личности в сети онлайн.

Выводы. Таким образом, переход к цифровым технологиям в органах государственной власти открывает широкие возможности и перспективы для государства, которые сопряжены с определёнными трудностями и препятствиями, делая его не только конкурентноспособным, но и цифровым развитым государством. Внедрение современных цифровых технологий нуждается в определённом продуманном стратегическом подходе и адаптации к особенностям каждой нации государств-членов ЕАЭС.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Голомбовская, Е. В. Цифровизация государственной службы / Е. В. Голомбовская // Журнал: Диалог. – Владимир: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Владимирский государственный университет им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых», 2024. – № 1 (27). – С. 28-30.
2. Смирнов, И. Р. Трансформация деятельности органов государственной власти Санкт-Петербурга в условиях цифровизации / И. Р. Смирнов // Сборник научных трудов VI Национальной (российской) научно-практической конференции: трансформация бизнеса и общественных институтов в условиях цифровизации экономики. – СПб.: Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, 2024. – С. 239-242.
3. Былина, С. Г. Типологизация регионов Российской Федерации по причинам отказа от использования услуг электронного правительства / С. Г. Былина // Журнал: Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. – Волгоград: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Волгоградский государственный университет», 2020. – № 1 (22). – С. 108-120.
4. Храмцова, Ф. И. Цифровая трансформация Республики Беларусь / Ф. И. Храмцова, Л. П. Ганчарик // Журнал: Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – Минск: Общество с ограниченной ответственностью «Капитал», 2022. – № 10-4. – С. 209-214.
5. Аубакирова, Г. М. Модернизация системы государственного управления Республики Казахстан / Г. М. Аубакирова, Ф. М. Исатаева // Журнал: Экономика, предпринимательство и право. – Караганда: Общество с ограниченной ответственностью Издательство «Креативная экономика», 2021. – № 4. Т. 11. – С. 827-844.
6. Айрапетян, Г. Р. Вызовы внедрения электронного правительства в Республике Армения / Г. Р. Айрапетян // Журнал: Научный результат. Экономические исследования. – Ереван: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», 2019. – № 4. Т. 5. – С. 13-19.
7. Савинов, Л. В. Цифровая трансформация государственного и муниципального управления в Республике Кыргызстан / Л. В. Савинов, Н. Н. Скорых, Б. М. Торогельдиева // Журнал: Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – Бишкек; Новосибирск: Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего профессионального образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Финансовый университет), 2020. – № 2. Т. 10. – С. 24-30.
8. Рейтинг стран мира по Индексу развития электронного правительства // Гуманитарный портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/ratings/e-government-development-index> (дата обращения: 13.05.2025). – Загл. с экрана.
9. Маслова, И. А. Цифровая безопасность в современном мире / И. А. Маслова // Журнал: Научный результат. Экономические исследования. – Орел: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», 2024. – № 3. – Т. 10. – С. 85-93.
10. Далгатова, М. О. DDoS-атаки в Интернете / М. О. Далгатова // Журнал: Перспективы развития информационных технологий. – Махачкала: Общество с ограниченной ответственностью «Центр развития научного сотрудничества», 2011. – № 4. – С. 220-223.
11. Исаева, К. М. Развитие подходов к повышению кибербезопасности в условиях цифровой трансформации экономики / К. М. Исаева, Т. Н. Шушунова // Журнал: Успехи в химии и химической технологии. – М.: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский химико-технологический университет имени Д. И. Менделеева», 2023. – № 1 (263). – Т. 37. – С. 19-21.
12. Морозова, И. Г. Цифровой кодекс: перспективы принятия в России / И. Г. Морозова // Журнал: Юрист. – М.: [б. и.], 2024. – № 8. – С. 5-10.

Поступила в редакцию 01.08.2025 г., рекомендована к печати 30.07.2025 г.

DIGITALIZATION IN PUBLIC AUTHORITIES AS AN INNOVATIVE PROCESS IN THE MEMBER STATES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Usatenko K.P.

The topic of digitalization is currently one of the most relevant topics among all developed countries of the world, since it is the engine of all progress and a powerful impetus for increasing the competitiveness of the state; it is thanks to digitalization that digital transformation occurs both in the economy, industry and culture, as well as in public service.

Thus, this scientific paper analyzes all the advantages and features of the introduction of digital technologies in public authorities. A conceptually new form of public administration is considered – the concept of "Electronic Government" in the member states of the Eurasian Economic Union; and the need to ensure cybersecurity for both citizens and government authorities themselves is also considered. The necessity of developing a single regulatory legal act that will combine all the legal norms related to information and digital technologies, namely the unified Digital Code of the member States of the Eurasian Economic Union, is substantiated.

Keywords: public authorities, digitalization, digital technologies, digital transformation, e-government, cybersecurity.

Усатенко Каролина Петровна

аспирант юридического факультета
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет»,
Российская Федерация, ДНР, г. Донецк.
E-mail: super.kpz99@yandex.ru

Usatenko Karolina Petrovna

Postgraduate student of the Faculty of Law of
Donetsk State University,
Russian Federation, DPR, Donetsk.
E-mail: super.kpz99@yandex.ru

**ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ
(ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ)
НАУКИ**

УДК 347.126

DOI 10.5281/zenodo.17782164

**СООТНОШЕНИЕ ДОМЕННОГО ИМЕНИ И ТРАДИЦИОННЫХ СРЕДСТВ
ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ТОВАРОВ И УСЛУГ**

© 2025. *А.В. Олейникова, А.А. Алтухова*

В статье рассматривается соотношение доменного имени и традиционных средств индивидуализации товаров и услуг: товарного знака, фирменного наименования юридического лица, наименование места происхождения товара. Рассмотрены концептуальные подходы к пониманию доменного имени и его функциям, а также конфликты, возникающие при регистрации доменного имени. Сделан вывод о том, что доменные имена выполняют одновременно две функции: индивидуализируют информационный ресурс в сети и его владельца (собственника). Соответственно, представляют собой особую категорию средств индивидуализации.

Ключевые слова: доменное имя, средство индивидуализации, товарный знак, фирменное наименование юридического лица, наименование места происхождения товара, исключительные права.

Введение. Эволюция научных представлений о правовой сущности доменного имени привела к формированию ряда дискуссионных позиций в доктрине. На сегодняшний день в юридической литературе отсутствует единая квалификация: спектр предлагаемых подходов варьируется от признания доменного имени новым, самостоятельным объектом интеллектуальных прав до его трактовки исключительно в качестве технического идентификатора, обеспечивающего адресацию информационных ресурсов в сети Интернет.

Актуальность исследуемой проблематики обусловлена правовой неопределенностью статуса доменного имени, которая выступает катализатором правонарушений и создает существенные практические затруднения в их обороте. Значительная часть коллизий связана с разрешением вопроса о соотношении доменных имен и средств индивидуализации субъектов гражданского оборота, прежде всего товарных знаков (знаков обслуживания) и фирменных наименований. Необходимость дальнейшего изучения данной сферы подчеркивается сохраняющейся противоречивостью судебной практики, включая решения специализированного Суда по интеллектуальным правам, в которых наблюдается отсутствие единообразных подходов к разрешению споров.

Основная часть. Доменное имя представляет собой сетевой (web) адрес, идентифицирующий субъекта в Интернете. Пользователи Интернета запоминают и используют такой адрес, чтобы найти веб-сайт, продукт и услуги субъекта предпринимательской деятельности. Изначально при создании проекта четвертой части Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1] доменное имя изначально рассматривалось исключительно как технический идентификатор, обеспечивающий адресацию в сети Интернет. Доменное имя в настоящее время приобрело значительный экономический и социальный вес, что потребовало его

переосмысления в правовом поле. Сложившийся спектр научных позиций демонстрирует фундаментальный разрыв в подходах: от радикальных утверждений о необходимости признания доменного имени новым, самостоятельным объектом интеллектуальных прав до консервативных взглядов, отрицающих за ним какую-либо имущественную ценность и сводящих его функцию к роли указателя размещения информационного массива. По этой причине, некоторые ученые, среди которых З.Ю. Милютин, отстаивали точку зрения об отсутствии связи «общее – частное» между данными понятиями [2, с. 81].

Фундаментальная причина правового конфликта между доменными именами и традиционными средствами индивидуализации коренится в принципиальном различии их правовых режимов и процедур легитимации. Ключевым системообразующим фактором является отсутствие в административной процедуре регистрации доменного имени проверки на тождество и сходство с уже существующими и охраняемыми объектами интеллектуальной собственности. В отличие от этого, регистрация товарного знака в Роспатенте сопряжена с проведением формальной экспертизы и, что особенно важно, экспертизы по существу, в ходе которой установленное обозначение проверяется на конфликтность с ранее зарегистрированными знаками и фирменными наименованиями.

Указанная диспропорция создает правовой вакуум, который закономерно порождает две основные модели конфликтных ситуаций.

Первая – прямая коллизия («киберсквоттинг»): лицо, действуя умышленно или добросовестно, регистрирует в качестве доменного имени обозначение, которое тождественно или сходно до степени смешения с охраняемым товарным знаком, фирменным наименованием или коммерческим обозначением, принадлежащим другому субъекту. В данной ситуации доменное имя используется для извлечения необоснованной выгоды от чужой деловой репутации, введения потребителей в заблуждение либо создания препятствий законному правообладателю в использовании его средства индивидуализации в сети Интернет. Вторая – обратная коллизия («обратный захват домена»): противоположная ситуация возникает, когда лицо, владеющее известным и раскрученным доменным именем, сталкивается с попыткой третьего лица зарегистрировать это же обозначение в качестве товарного знака. В этом случае владелец домена рискует утратить возможность его использования в отношении тех товаров и услуг, для которых будет зарегистрирован тождественный товарный знак.

Таким образом, ядром проблемы является не само по себе сходство обозначений, а их принадлежность разным, зачастую конкурирующим, субъектам и использование в противоречащих друг другу интересах.

Ряд исследователей квалифицируют доменное имя в качестве цифрового аналога средства индивидуализации, отождествляя его правовой режим с режимом товарного знака, используемого в интернет-пространстве, или же рассматривая его в качестве элемента коммерческого обозначения и фирменного наименования.

Рассмотрим подробнее соотношение доменного имени со средствами индивидуализации. Так, при соотношении доменного имени и товарного знака, следует отметить, что Президиум ВАС РФ в своем Постановлении от 16.01.2001 № 1192/00 указал, что фактически доменное имя выполняет функцию товарного знака, т.к. позволяет отличать соответственно товары и услуги одних юридических и физических лиц от однородных товаров и услуг других юридических и физических лиц [3]. Анализируя современную судебную практику, следует констатировать, что правовой режим доменного имени кардинально отличается от товарного знака, поскольку оно не признается объектом исключительных прав, а действующее законодательство не

предоставляет ему правового приоритета, основанного на приоритете во времени его регистрации относительно даты установления прав на средство индивидуализации [4].

Следуя рекомендациям И. Юсуповой, для минимизации рисков целесообразно осуществлять параллельную регистрацию обозначения как в качестве домена, так и товарного знака. Тем не менее, вследствие злоупотреблений со стороны недобросовестных лиц, использующих особенности доменной системы, нередко возникают коллизии, при которых владельцы домена и тождественного товарного знака не совпадают. Каждая из сторон такого конфликта вправе утверждать, что действия оппонента посягают на её законные права [5, с. 71].

В доктрине сформировалась позиция, признающая доменные имена самостоятельными объектами исключительных прав, обладающими особой правовой природой, отличной от товарных знаков, несмотря на частичное совпадение их индивидуализирующих функций. Параллельно в правоприменительной практике проводится сравнение доменных имен с фирменными наименованиями, элементы которых активно используются при формировании доменных адресов. Наиболее распространенными правонарушениями в данной области выступают регистрация доменных имен, тождественных охраняемым фирменным наименованиям, либо использование сходных до степени смешения обозначений. Разрешая коллизию между правами на фирменное наименование и домен, правоприменитель должен установить степень их сходства и проанализировать сферы коммерческой деятельности правообладателей, включая их территориальное присутствие, для определения реальной вероятности введения потребителей в заблуждение. При этом следует учитывать, что категории «фирменное наименование» и «наименование юридического лица» обладают различным правовым содержанием и режимом охраны [6, с. 62].

Сходство фирменного наименования и доменного имени проявляется в их словесной природе, реализации рекламно-информационных функций, а также в общей значимости потребительской запоминаемости и привлекательности. Однако различия между ними носят более существенный характер. Доменное имя законодательно не признано средством индивидуализации, в отличие от фирменного наименования. Для доменных имен действует принцип абсолютной уникальности, технически исключающий существование идентичных обозначений, что обеспечивается иерархической системой регистрации. Фирменное наименование обладает лишь относительной уникальностью, допускающей совпадения при различном характере деятельности правообладателей. Регистрация доменного имени, не носящая государственного характера, отличается от включения фирменного наименования в ЕГРЮЛ при создании юридического лица.

Исключительное право на доменное имя законодательством не предусмотрено, тогда как фирменное наименование пользуется такой охраной. Коммерческая организация вправе обладать лишь одним полным фирменным наименованием на русском языке, в то время как количество регистрируемых доменных имен не лимитировано. Право на фирменное наименование закреплено исключительно за коммерческими организациями, тогда как доменное имя доступно для регистрации любыми субъектами права. Фирменное наименование индивидуализирует юридическое лицо, а доменное имя – интернет-ресурс, не отражая правоспособности или корпоративных особенностей.

Вопрос нарушения прав на наименование места происхождения товара при использовании в доменном имени определяется содержанием соответствующего сайта. Размещение непрофильной информации (описания местности, исторических справок) не образует нарушения исключительного права. Гражданский кодекс РФ рассматривает

доменное имя исключительно как способ адресации, а не самостоятельное средство индивидуализации.

Исторический экскурс в законодательный процесс демонстрирует, что позиция сторонников признания доменного имени самостоятельным средством индивидуализации едва не получила легального закрепления. В первоначальной редакции проекта части четвертой Гражданского кодекса РФ, одобренной Государственной Думой в первом чтении 20 сентября 2006 года, содержался специальный параграф 5 в главе 76, полностью посвященный регламентации «Права на доменное имя» и включавший десять статей. Более того, в системообразующей ст. 1225 проекта, закрепляющей исчерпывающий перечень охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, были напрямую упомянуты доменные имена.

Ключевая новация законопроекта была сформулирована в п. 1 ст. 1542, где давалось легальное определение доменного имени как символического обозначения, предназначенного для идентификации информационных ресурсов и адресации запросов в сети Интернет, и прямо указывалось, что на него закрепляется исключительное право. Таким образом, законодатель на определенном этапе был готов приравнять правовой режим доменных имен к режиму товарных знаков и фирменных наименований.

Однако в ходе дальнейшей работы над законопроектом данная позиция была пересмотрена. По итогам более глубокого анализа правовой доктрины и сложившейся практики было принято решение об отказе от признания доменных имен средствами индивидуализации. Соответствующие положения, включая весь § 5 и упоминание в ст. 1225, были исключены из окончательной редакции Кодекса, что означало победу иного подхода к пониманию правовой природы данного цифрового актива [7, с. 45].

Представляется, что определенной компенсацией за отказ от признания доменного имени самостоятельным средством индивидуализации стало его последующее включение в ст. 1483 ГК РФ. Данная норма установила, что доменное имя может выступать одним из правопрепятствующих оснований для отказа в государственной регистрации товарного знака. В частности, в соответствии с п. 3 подп. 9 указанной статьи, не подлежали регистрации в качестве товарных знаков обозначения, тождественные доменному имени, исключительные права на которое возникли ранее даты приоритета регистрируемого обозначения.

Таким образом, законодатель, не наделив доменное имя статусом полноценного средства индивидуализации, де-факто установил для него особый правовой режим, признав его самостоятельным объектом гражданских прав. Введенный механизм, основанный на принципе «старшинства права» («first in time»), позволял владельцу доменного имени заблокировать регистрацию тождественного товарного знака по любым классам Международной классификации товаров и услуг, что создавало для добросовестных доменных владельцев исключительно сильную правовую позицию.

В научной доктрине данная законодательная новелла получила неоднозначную оценку. Сторонники трактовки доменного имени исключительно как средства адресации указывают, что его включение в ст. 1483 ГК РФ следует расценивать не как признание однородности с товарными знаками, а как законодательное закрепление его роли в качестве одной из форм использования чужого охраняемого обозначения. С этой точки зрения, закон признал доменное имя значимым обстоятельством при оценке правомерности использования товарного знака, но не пополнил им закрытый перечень средств индивидуализации из ст. 1225 ГК РФ. В противовес этой позиции, ряд исследователей продолжают настаивать на том, что доменные имена являются

самостоятельными объектами исключительных прав, обладающими уникальной правовой природой.

Для разрешения этого теоретического противоречия продуктивным представляется функциональный подход. Поскольку доменное имя объективно выполняет задачу по индивидуализации интернет-ресурса и его владельца в цифровой среде, его с известной долей условности можно отнести к средствам индивидуализации в широком смысле. Однако когда речь заходит о гражданско-правовой индивидуализации в ее строгом, формально-юридическом значении, ее сфера сужается до круга субъектов и объектов гражданского оборота, прямо указанных в законе, куда доменное имя на настоящий момент не входит.

Таким образом, в современной цивилистической доктрине под средствами индивидуализации принято понимать систему правовых инструментов и методик, направленных на выделение и обособление участников гражданского оборота, а также принадлежащих им материальных и нематериальных благ, посредством выявления и закрепления за ними устойчивых, отличительных признаков. Функциональное назначение данных средств заключается в обеспечении идентификации и дифференциации объектов и субъектов в рамках правового поля.

В контексте данной теоретической конструкции значительное число правоведов, специализирующихся на исследовании цифровой среды, разделяет позицию, согласно которой доменное имя обладает всеми сущностными характеристиками средства индивидуализации. Указанная концепция предполагает квалификацию доменного имени в качестве объекта интеллектуальных прав, призванного идентифицировать конкретное юридическое лицо или индивидуального предпринимателя в сети «Интернет», и, как следствие, пользующегося соответствующей правовой защитой. В рамках этого подхода подчеркивается его коммерческая ценность и роль в формировании деловой репутации субъекта.

Ярким выражением данной научной позиции является дефиниция, предложенная А.Г. Серго, который определяет доменное имя как условное обозначение, представленное в форме уникального символического имени, основная социально-правовая функция которого состоит в индивидуализации информационных ресурсов, функционирующих в пределах национальной доменной зоны глобальной сети «Интернет». Данное определение акцентирует такие ключевые признаки доменного имени, как его условно-символический характер, безусловную уникальность и прямую связь с процессом обособления определенного сегмента информационного пространства [8, с. 36]. Автор выделяет в качестве главного свойства доменного имени его свойство индивидуализировать информационные ресурсы аналогично тому, как товарные знаки индивидуализируют товары. Ряд теоретиков права, углубляя данный тезис, предлагают более радикальную позицию, рассматривая доменное имя в качестве полноценного объекта интеллектуальных прав. Например, А.А. Осокин называет его «товарным знаком, используемом в сети Интернет», подчеркивая тождественность выполняемых ими маркетинговых и идентифицирующих функций в цифровой и реальной сферах экономической деятельности. [9, с. 17]. В то же время Е.А. Данилина предлагает иную, но схожую по сути трактовку: «коммерческим обозначением, которое может являться частью фирменного наименования», акцентируя внимание на его корпоративно-идентифицирующем потенциале для хозяйствующего субъекта [10, с. 22].

Выводы. В настоящее время правовое поле Российской Федерации характеризуется отсутствием комплексного нормативного регулирования, которое бы четко определяло механизм взаимодействия и соотношения доменных имен с

традиционными средствами индивидуализации, такими как товарные знаки, фирменные наименования и коммерческие обозначения. Создавшийся нормативный вакуум порождает системную проблему, коренящуюся в различии процедур легитимации: поскольку административный процесс регистрации доменного имени не предполагает проведения экспертной проверки на тождество или сходство с уже существующими охраняемыми объектами, это закономерно приводит к массовым случаям регистрации доменных обозначений, сходных до степени смешения с известными средствами индивидуализации.

В научной доктрине для преодоления данной коллизии сформировались две преобладающие теоретические конструкции. Первая акцентирует внимание на функциональном сходстве, утверждая, что доменное имя реализует в цифровой среде задачи, аналогичные функциям товарного знака. Вторая конструкция идет дальше, провозглашая доменное имя самостоятельным, новым видом средства индивидуализации.

Проведенный анализ существующих юридических доктрин и законодательных источников позволяет синтезировать эти подходы и сделать вывод о дуалистической природе доменного имени. Оно одновременно выполняет две взаимосвязанные функции: индивидуализирует определенный информационный ресурс (сайт) в сети «Интернет» и опосредованно – самого владельца данного ресурса. Эта двойственная сущность позволяет квалифицировать доменные имена в качестве особой, синтетической категории в системе средств индивидуализации, требующей выработки особого правового режима.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: Часть первая – четвертая: [Принят Гос. Думой 23 апреля 1994 года, с изменениями и дополнениями по состоянию на 25.01.2021 г.] // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 22.
2. Милютин, З.Ю. Соотношение доменных имен со средствами индивидуализации. Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – С. 76-80.
3. Постановление Президиума ВАС РФ от 16.01.2001 № 1192/00. // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=11952#2zKigZTpu3kjBnS> (дата обращения: 14.07.2025). – Загл. с экрана.
4. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 27 июня 2019 г. № С01-456/2019 по делу № А40-173311/2018. // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=50942&dst=100002#d6bjgZTuY0FTo4U11> (дата обращения: 14.07.2025). – Загл. с экрана.
5. Юсупова, И. Интернет-сайт: вопросы правового регулирования // Арсенал предпринимателя. – 2010. – № 2. – С. 62-83.
6. Яганов, А.А. К вопросу о соотношении исключительного права на товарный знак и права на доменное имя // ИС. Авторское право и смежные права. – 2020. – № 9. – С. 62.
7. Кинзикеева, Л.Р. Правовое регулирование доменных имен / Л.Р. Кинзикеева // Экономика. Право. Инновации. – 2016. – С. 45-54.
8. Серго, А.Г. Интернет и Право. / А.Г. Серго. М.: Бестселлер. – 2003. – С. 35-37.
9. Осокин, А.А. Правовой статус наименований доменов и товарных знаков / А.А. Осокин // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. – 2002. – № 7. – С. 10-19.
10. Данилина, Е.А. Доменное имя и товарный знак: вопросы сходства и различия / Е.А. Данилина // Биржа интеллектуальной собственности. – 2004. – № 12. – С. 15-24.

Поступила в редакцию 15.07.2025 г., рекомендована к печати 05.08.2025 г.

**THE RELATIONSHIP BETWEEN A DOMAIN NAME AND TRADITIONAL MEANS OF
INDIVIDUALIZATION OF GOODS AND SERVICES**

Oleinikova A.V., Altukhova A.A.

The article examines the relationship between a domain name and traditional means of individualization of goods and services: a trademark, a corporate name of a legal entity, and an appellation of origin. Conceptual approaches to understanding a domain name and its functions, as well as conflicts arising during domain name registration, are considered. It is concluded that domain names perform two functions simultaneously: they individualize an information resource on the web and its owner (owner). Accordingly, they represent a special category of means of individualization.

Keywords: domain name, means of individualization, trademark, corporate name of a legal entity, appellation of origin, exclusive rights.

Олейникова Алина Вячеславовна

доцент кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет»,
Российская Федерация, ДНР, г. Донецк.
E-mail: a.olejnikovadongu@mail.ru

Алтухова Анна Андреевна

магистрант юридического факультета
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет»,
Российская Федерация, ДНР, г. Донецк.
E-mail: annaaltuhova20@gmail.com

Oleinikova Alina Vyacheslavovna

Associate Professor at the Department of civil law
and process of Donetsk State University,
Russian Federation, DPR, Donetsk.
E-mail: a.olejnikovadongu@mail.ru

Altukhova Anna Andreevna

Master student of the Faculty of Law of Donetsk
State University,
Russian Federation, DPR, Donetsk.
E-mail: annaaltuhova20@gmail.com

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 343.9

DOI 10.5281/zenodo.17782262

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБРАЗЦОВ ПОЧЕРКА, ВЫПОЛНЕННЫХ ЛАТИНИЦЕЙ, ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ КИРИЛЛИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ СУДЕБНО- ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

© 2025. Г.В. Черепенько

В статье рассмотрена возможность использования образцов почерка, выполненных на латинице при производстве судебно-почерковедческой экспертизы кириллического объекта. Осуществлено экспериментальное исследование, которое показало среднюю устойчивость признаков в одноименных элементах, равную 76%. Предложено использование таких образцов, в особенности при исследовании высоковыработанных почерков.

Ключевые слова: судебно-почерковедческая экспертиза, латиница, кириллица, образцы, пригодность.

Введение. На сегодняшний день в судебном почерковедении существует масса нерешенных проблем, которые связаны с изучением иероглифического письма [1], изучением изображений документов [2], наличием различного рода ошибок при производстве экспертизы [3], особенностями оформления заключений экспертов [4] и т.д. Все указанные проблемы, безусловно, являются крайне актуальными и требуют к себе пристального внимания со стороны ученых и правоприменителей, однако в данном случае следует отметить еще одно немаловажное обстоятельство: в практике судебно-экспертной деятельности встречаются ситуации, когда объект и образцы выполнены с использованием разных форм письменности: латиницы и кириллицы, либо часть образцов представляется на латинице при исследовании объекта, выполненного в кириллической форме.

Актуальность указанной темы, на наш взгляд, обусловлена сразу несколькими критериями: во-первых, эксперты мотивированно исключают образцы, выполненные на языках, отличных от языка исследуемого объекта, что ограничивает объемы сравнительного материала, которого нередко недостаточно; во-вторых, расширение международного взаимодействия Российской Федерации с рядом стран определяет возникновение торгово-экономических отношений, которые, в свою очередь, повлекут за собой и процессуальное взаимодействие (особенно в области арбитражного процесса); в-третьих, есть и обратная тенденция: так, с 2017 года Республика Казахстан осуществляет последовательный переход от кириллицы к латинице, и учитывая близкие экономические отношения Российской Федерации и Республики Казахстан, подобные исследования «смешанного» характера станут лишь вопросом времени; в-четвертых, в некоторых странах, например на Балканах, используется смешанное написание буквами кириллицы и латиницы (например вуковица и гаевица), кроме того, некоторые языки народов России наряду с кириллическим начертанием, также используют и латиницу (например карельский и вепский).

В этой связи представляется логичным предвосхитить указанные международные процессы, рассмотрев сквозь их призму вопросы сравнительного исследования в области

судебного почерковедения и его методического обеспечения, в соответствии с которым эксперты-почерковеды осуществляют свои исследования сегодня.

Основная часть. Если рассматривать методические положения традиционной методики, в части требования к представляемым на экспертизу образцам, то можно обратить внимание, что свободные образцы, представляемые на экспертизу, должны быть сопоставимы с исследуемым документом. Они должны быть выполнены на том же языке, с использованием того же алфавита, что и исследуемый текст, подпись [5]. То же касается экспериментальных образцов. На сопоставимость с исследуемыми почерковыми объектами по письменности и языку также обращают внимание как отечественные [6, с. 236], так и зарубежные источники из стран, где используется кириллица [7, с. 438]. В англоязычных источниках вопрос пригодности образцов для сравнительного исследования, в зависимости от их исполнения на кириллице не рассматривается [8].

Таким образом, на сегодняшний день основополагающие источники, являющиеся научным и методическим обеспечением судебно-почерковедческой экспертизы в России, указывают на то, что образцы для сравнительного исследования должны быть сопоставимы по языку и по письменности. Исходя из того, что в основных методических источниках никаких оговорок относительно их ограниченной сопоставимости по языку и письменности автору обнаружить не удалось, делается вывод, что в таком случае они являются непригодными для сравнительного исследования и исключаются из объема сравнительного материала.

По нашему мнению, данный методический подход может быть изменен и использование записей, выполненных на латинице, не будет противоречить концептуальным основам традиционной методики исследования почерка.

При развитии и становлении ПДФДК осуществляется формирование индивидуальных признаков почерка человека. Это процесс продолжается вплоть до взрослого возраста и на протяжении всей жизни человека так или иначе видоизменяется. При этом почерк человека обладает устойчивостью, которая проявляется в индивидуальной совокупности общих и частных признаков. Изучение этих индивидуальных особенностей выполнения тех или иных букв является одним из основных предметов идентификационного исследования письма.

По причине того, что обучение в России происходит на русском языке с использованием кириллического алфавита, большая часть рукописной коммуникации ведется также на русском языке, и кириллица является доминирующим алфавитом, мы полагаем, что при выполнении записей с использованием латиницы, большая часть людей выполняет одноименные буквы в соответствии с двигательным стереотипом, который выработался при обучении на кириллице. При этом важно обратить внимание, что не во всех случаях одноименная буква обозначает одноименный звук. В кириллице и латинице имеются следующие одноименные буквы: Аа, В, Ее, К, М, Н, Оо, Рр, Сс, Т, Хх. Частные признаки в указанных буквах стали предметом дальнейшего исследования.

Для проверки выдвинутой гипотезы было осуществлено экспериментальное исследование, в рамках которого испытуемым лицам было предложено выполнить два не связанных по смыслу текста, один из которых на английском языке, второй на русском. Оба текста содержали в себе приведенные выше буквы, а также наиболее встречающиеся буквосочетания, выполнены в привычных условиях письма, на белых нелинованных листах бумаги формата А4, при комбинированном освещении, без разрыва во времени.

Данные о группе: количество – 73 человека, пол – мужчин 35 человек, женщин – 38 человек, возраст – от 22 до 48 лет, уровень образования – все испытуемые лица имеют высшее профессиональное образование (2 испытуемых являются учащимися вузов, 7 человек имеют научные степени), все испытуемые лица владеют русским языком на уровне носителя, уровень владения английским языком - от среднего до высокого.

Экспериментальные данные оценивались по проявлению всех общих признаков для текста в целом и частных для каждой из совпадающих букв.

Сравнительное исследование по общим признакам показывают следующие результаты:

- степень выработанности в 35% процентах образцов, выполненных на английском языке ниже, чем в образцах на русском языке, оставшиеся 65% образцов не имеют существенных различий по степени выработанности, при этом в основном различия относятся к темпу исполнения и степени связности (в рукописях на английском языке указанные признаки ниже), координация движений 1-й и 2-й групп и степень совершенства системы движений имеют схожие или одинаковые характеристики;

- строение почерка (по степени сложности) характеризуется как простое в 80% процентах образцов, выполненных на английском языке, в то время как только в 20% рукописей на английском соответствуют аналогичным русским образцам и характеризуется упрощенным выполнением;

- расстояние между строками увеличено в 55% образцов на английском языке относительно аналогичных образцов на русском языке, в остальных 45% различия по указанному признаку отсутствуют;

- разгон в 90% рукописях, выполненных на английском языке больше, чем указанный признак в рукописях, выполненных на русском языке;

- такие общие признаки как преобладающая форма движений, преобладающее направление движений (при выполнении основных и дугообразных элементов), размер, направление линии письма, форма линии письма, размер интервалов между словами, степень и характер нажима, конфигурации линии полей, топографическое размещение записей на листах бумаги.

Далее было проведено сравнительное исследование по всем группам частных признаков, которые показали следующие результаты (таблица № 1):

Таблица № 1

Группа признаков	Буквы	Количество оцененных признаков	Процент совпадений/различий
Сложность (строение) движений	А	3	66/33 (2 из 3)
	а	1	100 (1 из 1)
	В	2	50/50 (1 из 2)
	Е	1	0 (0 из 1)
	е	2	50/50 (1 из 2)
	К	4	75/25 (3 из 4)
	М	2	100 (2 из 2)
	Н	2	50/50 (1 из 2)
	О	1	0 (0 из 1)
	о	1	0 (0 из 1)
	Р	4	50/50 (2 из 4)
	р	5	80/20 (4 из 5)
	С	2	100 (2 из 2)
	с	1	100 (1 из 1)
	Т	4	75/25 (3 из 4)
	Х	3	66/33 (2 из 3)
	х	2	50/50 (1 из 2)
		Всего: 40	Всего: 65% (26 из 40)
Форма движений при выполнении элементов и	А	6	83/16 (5 из 6)
	а	5	80/20 (4 из 5)
	В	8	62/38 (5 из 8)

соединительных элементов	Е	5	100 (5 из 5)
	е	4	75/25 (3 из 4)
	К	6	50/50 (3 из 6)
	М	4	75/25 (3 из 4)
	Н	5	80/20 (4 из 5)
	О	4	75/25 (3 из 4)
	о	3	33/66 (1 из 3)
	Р	6	83/16 (5 из 6)
	р	4	75/25 (3 из 4)
	С	4	50/50 (2 из 2)
	с	4	50/50 (2 из 2)
	Т	5	100 (5 из 5)
	Х	6	66/33 (4 из 6)
	х	7	71/29 (5 из 7)
		Всего: 96	Всего: 68% (65 из 96)
Направление движений	А	4	100 (4 из 4)
	а	4	75 (3 из 4)
	В	4	75 (3 из 4)
	Е	4	100 (4 из 4)
	е	3	100 (3 из 3)
	К	5	80 (4 из 5)
	М	4	50/50 (2 из 2)
	Н	5	100 (5 из 5)
	О	2	100 (2 из 2)
	о	2	100 (2 из 2)
	Р	2	50 (1 из 2)
	р	2	100 (2 из 2)
	С	2	100 (2 из 2)
	с	2	100 (2 из 2)
	Т	4	75 (3 из 4)
	Х	2	100 (2 из 2)
	х	2	100 (2 из 2)
		Всего: 53	Всего: 87% (46 из 53)
Протяженность движений	А	4	50 (2 из 4)
	а	4	75 (3 из 4)
	В	6	83/16 (5 из 6)
	Е	4	75 (3 из 4)
	е	4	100 (4 из 4)
	К	4	75 (3 из 4)
	М	5	80 (5 из 6)
	Н	6	83/16 (5 из 6)
	О	2	100 (2 из 2)
	о	2	100 (2 из 2)
	Р	4	75 (3 из 4)
	р	6	100 (6 из 6)
	С	3	100 (3 из 3)
	с	3	100 (3 из 3)
	Т	6	66/33 (4 из 6)
	Х	4	100 (4 из 4)
	х	4	75 (3 из 4)
		Всего: 70	Всего: 86% (60 из 70)

Относительное размещение движений	А	5	60/40 (3 из 5)
	а	5	80/20 (4 из 5)
	В	6	50/50 (3 из 6)
	Е	5	100 (5 из 5)
	е	4	75 (3 из 4)
	К	6	100 (6 из 6)
	М	6	66/33 (4 из 6)
	Н	6	50/50 (3 из 6)
	О	2	100 (2 из 2)
	о	2	100 (2 из 2)
	Р	4	75/25 (3 из 4)
	р	4	75/25 (3 из 4)
	С	2	100 (2 из 2)
	с	2	100 (2 из 2)
	Т	5	40/60 (2 из 5)
	Х	4	75/25 (3 из 4)
	х	4	75/25 (3 из 4)
		Всего: 72	Всего: 74% (53 из 72)
ИТОГО: 76% (250 из 331)			

По результатам проведенного экспериментального исследования установлено, что в изученных частных признаках одноименных букв кириллицы и латиницы в почерке одних и тех же лиц выявлены совпадения в ~76% случаях, при этом наибольшее количество совпадений установлены в группах направления и протяженности движений (87% и 86% соответственно), а наименьшее количество совпадений (65%) отмечается в группе сложности (строения) движений при выполнении элементов.

Обращает на себя внимание также тот факт, что количество совпадений прямо пропорционально степени выработанности почерка исполнителя. В высоко выработанных почерках такие общие признаки как выработанность, степень связности и совершенства движений, а также темп и координация движений имеют важное значение для достоверного отображения частных признаков как в записях, выполненных на кириллице, так и в записях, выполненных на латинице. Почерки, в которых степень выработанности характеризуется как средняя или выше средней количество совпадений снижается, в частности, за счет выполнения части элементов на латинице по типу печатных букв, что не только видоизменяет отображение самих частных признаков, но и исключается возможность исследования группы частных признаков почерка – формы движений при выполнении соединительных элементов.

Выводы. Изложенные выше обстоятельства позволяют сделать следующий вывод: чем выше степень выработанности проверяемого почерка, выполненного на кириллице, тем выше идентификационная значимость образцов почерка, выполненных на латинице. Указанное правило действительно и в обратной ситуации, когда исследуемый объект выполнен на латинице, а образцы на кириллице. Таким образом, мы полагаем, что в рамках производства судебно-почерковедческой экспертизы, к производству могут быть приняты образцы почерка, выполненные на латинице, но только в том случае, если объект исследования выполнен высоковыработанным почерком. Что же касается вопроса использования таких образцов для средневыработанных и маловыработанных почерков, то, с одной стороны, их использование может быть оставлено на усмотрение эксперта (который будет исходить из конкретной экспертной ситуации), а также такой вид образцов может стать предметом дальнейшего научного изучения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бобовкин, С.М., Четверкин П.А. Методические основы судебно-почерковедческой идентификационной экспертизы китайских иероглифических рукописей: возможности реализации комплексного подхода // Вестник Московского университета МВД России. № 6. 2020. – С. 197-203.
2. Жижина, М.В. Новые объекты судебно-почерковедческой экспертизы: возможности и пределы исследования изображений рукописи в цифровых фотокопиях документов // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы VIII Международной научно-практической конференции. М.: РГ-Пресс. 2021. – С. 93-97.
3. Барбачакова, Ю.Ю. Экспертные ошибки в области почерковедения // Вестник Московского университета МВД России. № 3. 2021. – С. 223-227.
4. Бобовкин, М.В., Марочкина В.В. Валидация как основа стандартизации методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы // Вестник экономической безопасности. № 1. 2022. – С. 35-39.
5. Официальный сайт ГУ РФЦСЭ Минюста Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sudexpert.ru/possib/writing.php> (дата обращения: 06.08.2025). – Загл. с экрана.
6. Судебная экспертиза в гражданских процессах: научно-практическое пособие / под ред. Е.Р. Россинской. М.: Проспект. 2018. – 704 с.
7. Судебно-почерковедческая экспертиза рукописей, выполненных на казахском языке: учебник / К.К. Сейтенов. – Астана: Фолиант. 2015. – 872 с.
8. Carolyne B., Bryan F. The modular forensic handwriting method // Journal of Forensic Document Examination. 2016. Vol. 26. Pp. 26-30. Best practice manual for the forensic examination of handwriting. ENFSI-BPM-FHX-01 (vs. 02) – June 2018. – 49 p.

Поступила в редакцию 11.08.2025 г., рекомендована к печати 29.08.2025 г.

THE USE OF LATIN HANDWRITING SAMPLES IN THE STUDY OF CYRILLIC OBJECTS OF FORENSIC HANDWRITING EXAMINATION (USING THE EXAMPLE OF RUSSIAN AND ENGLISH)

Cherepenko G.V.

The article describes the possibility of using handwriting samples in Latin in the forensic handwriting examination of a Cyrillic object. Experimental research was carried out, which showed the average stability of features in elements of the same name equal to 76%. The use of such samples is proposed, especially when examining highly developed handwritings.

Keywords: forensic handwriting examination, Latin, Cyrillic alphabet, handwriting samples, suitability.

Черепенько Георгий Васильевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения»,
Российская Федерация, Москва.
E-mail: Georgiech88@gmail.com

Cherepenko Georgie Vasilievich

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Forensics of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «State University of Education»,
Russian Federation, Moscow.
E-mail: Georgiech88@gmail.com

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 341.231.14

DOI 10.5281/zenodo.17784963

ПОНЯТИЕ И ЦЕЛИ ДЕРОГАЦИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

© 2025. *Е.В. Кулакова*

В статье проведен анализ института дерогации, как основанного на законе права государства на отступление от взятых на себя международных обязательств по обеспечению и соблюдению прав человека. Проанализированы основные требования, которым должно соответствовать законное ограничение прав человека. На основе проведенного анализа сформулированы основные цели дерогации.

Ключевые слова: права человека, законные ограничения прав, дерогация, международные нормы, цели.

Введение. В рамках отрасли международного права прав человека был сформирован институт дерогации, который представляет собой право государств на отступление от взятых на себя международных обязательств с целью соблюдения прав и свобод человека. Это проявляется в правомерных ограничениях прав человека.

Разумное ограничение прав и свобод человека и гражданина является необходимым для нормального функционирования общества и государства, в котором пределы осуществления прав и свобод человека не должны нарушать границы другого человека. Главным субъектом, реализующим механизм ограничения прав человека, является государство. При этом, особенности и порядок ограничения прав и свобод регламентируются каждым государством самостоятельно на основе внутригосударственных норм. Однако, международное право, закрепляя общепризнанные стандарты прав и свобод человека, устанавливает также и возможность их ограничения.

Право на дерогацию имеет исключительный характер и используется только в чрезвычайных случаях, при угрозе «жизни нации». Так, в ст. 4 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. закреплено, что во время чрезвычайного положения в государстве, при котором жизнь нации находится под угрозой и о наличии которого официально объявляется, участники Пакта могут принимать, при соблюдении определенных условий, меры в отступление от своих обязательств по данному договору. Однако в ст. 4 закреплён перечень прав, отступление от которых недопустимо: право на жизнь, право на защиту от пыток, рабства [1].

В последние годы в мире возникают различные ситуации гуманитарного и военного характера, вследствие чего институт дерогации приобретает все более актуальное значение и требует дальнейших научных исследований.

Среди ученых, которые занимались изучением правомерных ограничений прав человека, необходимо выделить следующих В.И. Гойман, Н.Н. Липкина, И.А. Лошкарева, Е.А. Лукашева, В.С. Нерсисянц, А.В. Малько, Ю.Н. Малеев, А.С. Мордовец, А.А. Подмарев, Н.С. Симонова, Хабриева Т.Я. и др.

Основная часть. В науке обсуждение института дерогации, т.е. правомерных ограничений прав человека, имело место еще при появлении первых международных договоров.

По мнению В.Г. Романовского, правомерные ограничения прав человека должны соответствовать следующим условиям:

- могут быть ограничены только на основании закона;
- возможность проведения эффективного судебного контроля;
- ограничение должно быть оправданным и не быть дискриминационным;
- должно соответствовать требованиям Основного закона, которые сформулированы законодателем к ограничениям;
- ограничение возможно только в строго определенных целях;
- должны соблюдаться принципы соразмерности и сбалансированности [2, с. 18-19].

Цели ограничений в научной литературе определяются по-разному: сдерживание противозаконного деяния в целях защиты общественных отношений (А.В. Малько); запрет всего общественно вредного, исключая злоупотребление свободой (В.А. Четвернин); защита общества, прав и свобод (интересов) других лиц от произвола правопользователя (В.И. Гойман); необходимость уважения прав и свобод других людей и нормальное функционирование общества и государства (В.В. Маклаков, Б.А. Страшун); поддержание правопорядка, обеспечение личной безопасности, обеспечение внутренней и внешней безопасности общества и государства, создание благоприятных условий для экономической деятельности и охрана всех форм собственности, учет государственных минимальных стандартов по основным показателям уровня жизни, культурное развитие граждан (А.С. Мордовец) [3, с. 274].

Право на дерогацию развивалось с появлением Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., которая и считается родоначальником современного института дерогации. Она, по своей сути, сформировала систему ограничений прав человека государством, которая и на сегодняшний день используется в международном праве [4, с.26].

Так, ст. 15 Конвенции предусматривает право на дерогацию, а именно, меру возможного поведения: «В случае войны или при иных чрезвычайных обстоятельствах, угрожающих жизни нации, любая из Высоких Договаривающихся Сторон может принимать меры в отступление от ее обязательств по настоящей Конвенции только в той степени, в какой это обусловлено чрезвычайностью обстоятельств, при условии, что такие меры не противоречат другим ее обязательствам по международному праву» [5].

Тем не менее применение дерогационной оговорки является не обязательным пунктом в международном договоре. Так, например, Африканская хартия прав человека и народов 1981 г. не предусматривает дерогационных полномочий государств-участников, а Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказаний 1984 г. запрещает дерогацию вовсе [6].

Как и в иных вопросах, вокруг института дерогации сложились различные мнения о необходимости существования права на дерогацию. Представляется, что данное явление стоит рассматривать как положительное, также считают и Э. Хафнер-Бартно, Л. Хелфера и К. Фарисса, которые в своих трудах отмечали, что «дерогация является довольно разумным ответом на политическую нестабильность в государстве» [7], однако ряд ученых-юристов в данной сфере считают иначе. Так, О. Гросс и Н.А. Фьонуал, отмечали, что «государства могут допускать злоупотребления правом на дерогацию в попытках прикрыть так называемые ситуации перманентного чрезвычайного положения» [8]. В настоящее время, формируется свободное общество свободных граждан, которые говорят о том, что государство не должно ограничивать их свободу. Государство, стараясь обезопасить себя, дарует им множество прав и свобод, и закрепляет много возможностей их ограничения.

Поэтому появляется необходимость формирования институтов, регулирующих данные вопросы.

Большинство демократических государств мира применяют право на дерогацию, естественно в рамках, в которых это разрешено нормами международного права, поскольку базисные гуманитарные ценности цивилизованного гражданского общества не могут быть

Кулакова Е.В.

принесены в жертву для достижения государственных целей. Положение, при котором допустимо воспользоваться правом на дерогацию является так называемое состояние необходимости – та ситуация, при которой государству угрожает неизбежная угроза, заставляющая нарушить международное обязательство. Однако, при соблюдении определенных материальных и процессуальных требований, оно не считается тем, которое нарушило свое международное обязательство.

Дж. Фоусет полагает, что «... чрезвычайная ситуация должна представлять собой угрозу жизни нации, не обязательно ставящую ее на грань гибели, но чреватую дезинтеграцией порядка или нарушением коммуникаций, при которых поддержание организованной жизни на какое-то время оказывается невозможным» [9].

Помимо заявления о чрезвычайной ситуации, а именно исключительной угрозе жизни нации, т.е. обоснования необходимости ограничения прав человека, важными пунктами для применения права на дерогацию являются следующие требования:

1. Недопустимость отступления от определенных основных прав человека, которые закреплены в главных международных договорах: Всеобщая Декларация прав человека 1948 г., Международный Пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Международный Пакт о экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Европейской конвенции о защите прав человека 1950 г. и др.

2. Направленность на защиту определенного существенного интереса государства. Однако, исчерпывающего перечня точных «существенных» интересов в международном праве нет. Чаще всего в международных договорах выделяют экономические интересы государства, вопросы национальной безопасности страны и экологические потребности. Также характерным для института дерогации является то, что он применяется не только при нарушении интересов государства как было упомянуто выше, но и общества, и даже частных лиц (защита репутации).

3. Официальное объявление чрезвычайного положения –уведомление, например, Генерального секретаря ООН или Генерального секретаря Совета Европы. Также важным является обязательное уведомление государством других государств о применении мер ограничения прав, их причинах и сроках. Так как объявление войны или чрезвычайного положения не влекут автоматического отступления от обязательств.

4. Временный характер ограничений. Несмотря на то, что ограничения прав и свобод может быть неопределенно точной датой окончания (например, при введении военного положения), но указание на необходимость устранения условий, которые послужили тем, что ограничения были введены должно быть (подписание перемирия, ликвидация непосредственной угрозы).

5. Обоснованность – нахождение таких интересов государства в большей и неминуемой опасности, нежели те, которые необходимо ограничить [10]. Также угроза должна существовать в настоящем времени, быть реальной и неминуемой. Стоит отметить что, ограничение прав и свобод возможно не только в случае причинения ущерба интересам государства, но и для того, чтобы предотвратить возможные последствия.

6. Признание неисполнения соответствующего международного обязательства единственным для государства средством защиты упомянутых интересов, означает что у государства не существовало иных способов защиты своих интересов или даже они были, но являлись менее удобными или дорогими.

7. Пропорциональность – установление баланса между нарушенным правом человека и интересом страны.

8. Добросовестность выполнения международных обязательств – те действия, которые соответствуют нормам международного договора и защищают от злоупотребления права на дерогацию.

9. Правовая защищенность, а также соответствие внутригосударственному праву, т.е. государства должны действовать в рамках закона [11, с. 371]. При определённых

обстоятельства органы международного контроля, обязаны устанавливать наличие в государстве именно ситуации, составляющей угрозу и требующей применения института дерогации. А также определять при этом – не противоречит ли, к примеру, поведение государства его обязательствам по международному праву прав человека.

Исходя из всего вышеизложенного, применение института дерогации невозможно без определенных требований и оснований, которые, в свою очередь, преследует следующие цели. Так как ограничения прав и свобод человека, как уже было указано, существовали еще с времен появления первых международных договоров, то и цели соответственно тоже, но, если ранее они были обусловлены в большей мере интересами государства, необходимостью защиты суверенитета и территориальной целостности, в настоящем, право на дерогацию относится в том числе и к человеку, и к обществу. Учитывая это, цели ограничений прав и свобод человека и гражданина могут быть классифицированы в зависимости от защищаемых интересов. Эти интересы можно разделить на две категории: частные и публичные. Частные интересы включают в себя права и свободы человека и гражданина, а публичные интересы представляют собой интересы общества и государства.

Какими бы не были ограничения прав и свобод, они всегда должны преследовать легитимные цели. По мнению многих российских ученых-юристов, таких как В.И.Гойман, А.В. Малько, А.А.Ковалев, целями правомерного ограничения прав и свобод являются необходимость уважения прав и свобод других лиц; обеспечение всеобщего блага; нормального развития общества; охрана основных ценностей: жизни, свободы, здоровья, нравственности и достоинства; запрет всего общественно вредного и опасного; исключения злоупотребления правами; обеспечения правового порядка в государстве; поддержание безопасности и ряд других [12, с.11].

Всеобщая Декларация прав человека закрепляет (ч.2. ст.29): «При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе» [13].

Проблема ограничения прав и свобод человека и гражданина для России является особенно актуальной. Пережитые политико-правовые реформы и социальные потрясения развивались в результате глубоких политических трансформаций, сформировав диаметрально противоположные взгляды на концепцию свободы и допустимую степень государственного контроля.

В теории международного права прав человека сложились две противоположные научные позиции. Представители первой – считают, что такое явление как дерогация представляет собой баланс между защитой прав и свобод человека и соблюдением интересов государства. Вторая же группа, отмечает, что дерогация крайне недопустимое действие со стороны власти, при котором нарушаются права человека.

Выводы. Под дерогацией понимается допустимое международным правом вмешательство в права и свободы человека, отвечающее требованиям законности, необходимости, целесообразности и соразмерности преследуемой цели. Современный правовой статус человека, с полным и все более расширяющимся кругом основных прав и свобод – это прерогатива международного права. Общепризнанные принципы и нормы, в которых закреплены основные права и свободы человека, непосредственно нацелены на то, чтобы каждое государство неукоснительно соблюдало свои обязательства по соблюдению и реализации в полном объеме основных прав человека.

На основе проведенного анализа, можно выделить основные цели дерогации:

1. Защита прав и свобод человека: жизни, здоровья, чести, достоинства и других личных благ.

2. Обеспечение безопасности интересов одних лиц для того, чтобы они сосуществовали в обществе с другими лицами.

3. Защита интересов государства: защита суверенитета, территориальной и национальной целостности, национальной безопасности, общественного порядка и всеобщего мира.

При этом, важным является достижение баланса безопасности государства, с одной стороны, а также прав и интересов людей – с другой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Международный Пакт о гражданских и политических правах Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения 26.08.2025). – Загл. с экрана.
2. Романовский, В.Г. Ограничения прав человека в современном конституционном праве России // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство» 2019. Т. 7, № 4 (28) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/romanovsky_vg_2019_4_02.pdf (дата обращения 26.08.2025). – Загл. с экрана.
3. Мордовец, А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. – М., 2006. – 274 с.
4. Павлова, Л. В. Право прав человека: учеб пособие / Л.В.Павлова. - Минск: БГУ, 2015. – 125 с.
5. Европейская Конвенция по защите прав человека и основных свобод г. Рим, 4.XI.1950 г. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.coe.int/ru/web/compass/the-european-convention-on-human-rights-and-its-protocols>(дата обращения 26.08.2025). – Загл. с экрана.
6. Симонова, Н.С. Институциональный механизм обеспечения выполнения обязательств по международным договорам // Юридический журнал. — М.: 2016. — С.77-84.
7. Hafner-Burton, E.M., Helfer, L.R., Fariss Ch.J. Emergency and Escape: Explaining Derogations from Human Rights Treaties // International Organization. Vol. 65 (2011). P. 675. [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/48346655_Emergency_and_Escape_Explaining_Derogations_From_Human_Rights_Treaties (дата обращения: 26.08.2025). – Загл. с экрана.
8. Gross, O., Fionnuala, N.A. Law in Times of Crisis: Emergency Powers in Theory and Practice. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.cambridge.org/core/books/law-in-times-of-crisis/974A70D71A5F4599717675E87CA935DC> (дата обращения: 26.08.2025). – Загл. с экрана.
9. Сазонова, К.Л. Институт ответственности государств за неправомерное применение силы: проблемы и перспективы / К.Л. Сазонова // Российский ежегодник международного права. 2013. – СПб. - 2014. – С. 66-80.
10. Липкина, Н.Н. Состояние необходимости в общем международном праве и соотносимые конструкции в международном праве прав человека // Вестник Саратовской государственной юридической академии – 2018. – С. 251-252.
11. Шумиленко, А.П., Пастухова, Л.В. Право государств на дерогацию в контексте соотношения международного и внутригосударственного права // Актуальные проблемы сравнительного правоведения – 2017. – С.370-378.
12. Подмарев, А.А. Ограничения прав и свобод человека и гражданина: определения конституционного понятия // Вестник РУДН, серия Юридические науки. – М, 2014. – С. 11-17.
13. Всеобщая Декларация прав человека принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948 года [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения 26.08.2025). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 19.08.2025 г., рекомендована к печати 03.09.2025 г.

THE CONCEPT AND OBJECTIVES OF DEROGATION IN INTERNATIONAL LAW

Kulakova E. V.

The article analyzes the institution of derogation as the law-based right of the state to derogate from its international obligations to ensure and respect human rights. The main requirements that the legal restriction of human rights must meet are analyzed. Based on the analysis, the main objectives of the degradation are formulated.

Keywords: human rights, legal restrictions of rights, derogation, international norms, goals.

Кулакова Елизавета Валерьевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры конституционного и международного
права

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет»,

Российская Федерация, ДНР, г. Донецк.

E-mail: kulakova.dongu@mail.ru

Kulakova Elizaveta Valerevna

Candidate of law, Associate Professor, Associate
Professor at the Department of Constitutional and
International Law of Donetsk State University,

Russian Federation, DPR, Donetsk.

E-mail: kulakova.dongu@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Редакция журнала «Вестник Донецкого университета. Серия 06. Юридические науки» принимает к рассмотрению на предмет опубликования в журнале ранее не опубликованные и не представленные для одновременной публикации в других изданиях научные статьи по тематике журнала.

2. В печать принимаются научные статьи на русском и английском языках, которые имеют необходимые элементы:

- постановка проблемы в общем виде и её связь с важнейшими научными и практическими задачами;
- анализ последних достижений и публикаций, в которых рассмотрена данная проблема и на которые ссылается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, на решение которых направлена данная статья;
- формулирование цели и постановка задач;
- изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов;
- выводы из этого исследования и перспективы дальнейших исследований в данном направлении.

3. Обязательные требования к оформлению статей:

- **Объем статьи** — 5–10 страниц печатного текста
- **Размер бумаги:** А4.
- **Ориентация:** книжная.
- **Поля:** зеркальные, верхнее – 30 мм, нижнее – 30 мм, внутри – 30 мм, снаружи – 20 мм.
- **Положение верхнего и нижнего колонтитула относительно края:** 2 см.
- **Междустрочный интервал:** одинарный.
- **Абзацный отступ:** 1 см.
- **Основной текст статьи:** шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине, без автоматической расстановки переносов.
- **Аннотация, список источников, сведения об авторах:** шрифт Times New Roman, размер 10 пт., с выравниванием по ширине, без автоматической расстановки переносов.
- **Подписи, заглавие и содержание таблиц:** шрифт Times New Roman, размер 10 пт., с выравниванием по центру, без автоматической расстановки переносов.

4. Текст статьи должен соответствовать следующей структурной схеме:

- **Первая строка:** индекс УДК – выравнивание по левому краю, без абзацного отступа.
- **Через строку:** **НАЗВАНИЕ** статьи – полужирный, выравнивание по центру, прописными буквами, без переноса слов, без абзацного отступа.
- **Через строку:** копирайт © и год – полужирный, выравнивание по левому краю, без точки после года, через 3 пробела **фамилия(и) и инициалы автора(ов)** – полужирный, курсив, выравнивание по левому краю, без абзацного отступа.
- **Через две строки:** **аннотация** объемом до 100 слов, кратко отражающая предмет статьи, примененные методы исследований и основные результаты, полученные авторами.
- **На следующей строке:** словосочетание **Ключевые слова:** – полужирный, курсив. Далее приводятся ключевые слова количеством до 10 слов, отделяемых друг от друга запятой. Блок аннотация и ключевые слова рекомендуется отделять от основного текста с помощью инструмента «Границы».
- **Через две строки:** основной текст статьи, который содержит введение, основную часть и выводы. Во **введении** рекомендуется излагать постановку проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, анализ последних

исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировку целей статьи. В **основной части** рекомендуется излагать основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Основную часть рекомендуется структурировать на разделы с названиями, отражающими их содержание (например: постановка задачи; методы ее решения; анализ полученных результатов). В **выводах** рекомендуется кратко и четко подводить итоги основных результатов, полученных авторами и описывать перспективы дальнейших исследований в данном направлении.

- **Через строку:** словосочетание **СПИСОК ИСТОЧНИКОВ** размером 10 пт., полужирный, выравнивание по левому краю, прописными буквами, без абзацного отступа. Далее через строку с абзацным выступом 0,5 см приводится нумерованный перечень используемых источников общим списком *в порядке упоминания* в тексте на языке оригинала в соответствии с ГОСТ Р 7.0.100–2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления». Ссылка на источник приводится в квадратных скобках. Разрешается ссылаться только на опубликованные работы. Необходимо наличие источников последних 5-10 лет по исследуемому вопросу.

- **Через строку:** надпись «*Поступила в редакцию xx.xx.20xx г., рекомендована к печати xx.xx.20xx г.*» размером 10 пт., курсив, выравнивание по правому краю.

- **Через строку:** приводится **НАЗВАНИЕ** статьи, **фамилия(и) и инициалы автора(ов)**, аннотация и ключевые слова (**Keywords**) на английском языке (перевод) размером 10 пт.

- **Через строку:** сведения об авторах размером 10 пт., в таблице с параметром «Нет границ», содержащей два столбца (для сведений на русском и английском языках):

- **Фамилия, имя, отчество;**

- ученая степень, ученое звание, должность, с указанием организации (в соответствии с уставом), которую представляет автор;

- страна, город;

- адрес электронной почты.

5. Текст статьи должен быть тщательно выверен, без орфографических ошибок. Сокращения слов, кроме общепринятых, не допускаются или обязательно даётся их расшифровка.

6. Если статья подается на английском языке, то прилагается её русский вариант.

7. Аспиранты и соискатели вместе со статьей подают рецензию научного руководителя.

8. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений. К статье в обязательном порядке прилагается отчет о проверке научной работы на уникальность и поиск заимствований.

9. Рукопись проходит независимое анонимное рецензирование специалистами на предмет научной ценности статьи, её соответствия профилю и требованиям журнала. По рекомендации рецензентов редколлегия принимает решение о возможности и условиях опубликования статьи.

10. Публикация статей в журнале бесплатная.

Образец оформления статьи

УДК 342.7:004.8

DOI:

**ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СИСТЕМ
ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА**

© 2025. Е.А. Матвиенко

В статье анализируются основные направления существующие в научной доктрине в области соблюдения прав человека в условиях применения систем искусственного интеллекта, как ответной реакции на происходящие глобализационные и интеграционные процессы. Автором аргументировано приводятся как положительные аспекты внедрения технологий искусственного интеллекта, так и вероятность неблагоприятного их влияния на права человека.

Ключевые слова: права и свободы человека, глобализация, интеграционные процессы, система искусственного интеллекта, защита прав человека.

Введение. Современное общество характеризуется своими глобализационными и интеграционными процессами, которые выступают приоритетными направлениями в развитии и модернизации существующего внутреннего устройства государства. Рассматриваемые процессы взаимосвязаны и взаимодополняемы между собой. Глобализацию можно описать как возможность всемирной унификации в различных областях и сферах деятельности общества и государства в целом, с помощью которого происходит ускоренный обмен информацией, технологиями, товарами и услугами, как результат взаимовлияния коммуникаций государств. В свою очередь, интеграцию можно интерпретировать как синтез, то есть процесс объединения разнородных элементов в единое целое. По справедливому утверждению Ждановой М.Г. «...об интеграции же имеет смысл говорить в том случае, если связи между ранее разнородными и независимыми элементами становятся для них существенными, но самое главное они становятся взаимозависимыми. Другими словами, интеграция – это процесс организации отношения элементов, в котором сохраняется их относительная самостоятельность» [1, с. 1].

Основная часть......
.....
.....

Выводы. Таким образом, использование технологий искусственного интеллекта дают широкие возможности, позволяют автоматизировать рутинные процессы.....

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Жданова, М. Г. Понятие «интеграция» в исследовании социальных процессов / М. Г. Жданова // Медицина и образование в Сибири. – 2009. – № 1. – С. 1-7.
2. Майоров, А. С. Содержание юридического конструкта «права человека как высшая ценность государства»: теоретико-правовой анализ // Юридическая наука, № 7, 2023. – С. 34-38.
3. Кутафин, О.Е. Российский конституционализм. М.: Норма, 2008. – 258 с.
4. Кирса, А. С. Влияние искусственного интеллекта на правовую деятельность человека // Молодой ученый. – 2020. – № 50 (340) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/340/76371/> (дата обращения: 10.02.2024). – Загл. с экрана.
5. Указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 12.02.2024). – Загл. с экрана.

6. Аберхаев, Э. Р. Право на неприкосновенность частной жизни: юридическая характеристика и проблемы реализации // Russian Journal of Economics and Law. 2008. №1 (5) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-na-neprikosновенnost-chastnoy-zhizni-yuridicheskaya-harakteristika-i-problemy-realizatsii> (дата обращения: 10.02.2024). – Загл. с экрана.
7. Кашкин, С.Ю. Искусственный интеллект и робототехника: Возможность вторжения в права человека и правовое регулирование этих процессов в Европейском союзе и мире // Lex Russica. - М., 2019. - № 7 (152). – С. 151-159.
8. Кашкин, С.Ю. Искусственный интеллект, робототехника и защита прав человека в Европейском союзе / С.Ю. Кашкин, А.В. Покровский // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). - М., 2019. - № 4. – С. 64-90.
9. Artificial Intelligence & Human Rights: Opportunities & Risks / Raso F., Hilli-goss H., Krishnamurthy V., Bavitz C., Kim L.; Berkman Klein Center for Internet & Society research publication. – 2018. – P. 3-62.

Поступила в редакцию xx.xx.2025 г., рекомендована к печати xx.xx.2025 г.

HUMAN RIGHTS IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS

Matvienko E.A.

The article analyzes the main directions existing in the scientific doctrine in the field of human rights in the context of the use of artificial intelligence systems as a response to the ongoing globalization and integration processes. The author provides both the positive aspects of the introduction of artificial intelligence technologies and the likelihood of their adverse impact on human rights.

Keywords: human rights and freedoms, globalization, integration processes, artificial intelligence system, human rights protection.

Матвиенко Екатерина Александровна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
Российская Федерация, ДНР, г. Донецк.
E-mail: k.matvienko.donnu.jur@mail.ru

Matvienko Ekaterina Aleksandrovna

Candidate of law, Associate Professor, Associate Professor at Department of Theory and History of State and Law of Donetsk State University,
Russian Federation, DPR, Donetsk.
E-mail: k.matvienko.donnu.jur@mail.ru

Научное издание

Вестник Донецкого университета.

Серия 06. Юридические науки

Научный журнал

2025. – № 3.

Технический редактор: К.Е. Свиридова

Адрес редакции:
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», 283001, Российская Федерация, ДНР,
г. Донецк, ул. Университетская, д. 24,
E-mail: redact.dongu.jur@mail.ru URL: <https://dongu-vestnik06.ru>

Подписано к изданию 26.09.2025 г.

Издательство ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
283001, Российская Федерация, ДНР, г. Донецк, ул.
Университетская, д. 24.